

CONSTRUCTING (POST)MEMORY OF TRAUMATIC PAST: TEENAGER'S IDEAS ABOUT THE ERA OF POLITICAL REPRESSION OF THE 1930-1950

Yulia V. Zevako

Institute of History and Archeology, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
Ekaterinburg, Russian Federation. Email: [milirita\[at\]rambler.ru](mailto:milirita[at]rambler.ru)

Abstract

The Museum of Yekaterinburg History, with the support of the Presidential Grants Fund, launched an educational project “You Can’t Keep Silence: Practices in Memory of the Era of Political Repression” in 2019. It aimed at finding ways to form a balanced perception of the topic of political repression among contemporary schoolchildren and first-year students (14-19 years old).

The idea of the authors of the project was to find ways to translate dry numbers and facts of documents into a “human” dimension, to emotionally involve the participants and encourage them not only to learn more about the topic, but also to feel it, to shift the perception of the topic from detached to “personal” and “not indifferent”.

The organizers asked participants to go through a number of stages to achieve this result. The measurement of the effectiveness of the selected memorization practices and general work on the project was carried out using a specially designed monitoring program. It included filling out “entry” and “exit” questionnaires at the beginning and at the end of the project, as well as questionnaires and short group interviews after participating in an immersive performance and acquaintance with the real archival investigation.

The results of the project allows us to assert that the work of adolescents in the project contributed to a deeper assimilation of humanistic values. This led to a rethinking of the relationship between the state, power and citizen, the strengthening of the separation of the state and power and the formation of reflective patriotism as the most important conditions for successful work with the traumatic, uncomfortable past of our country.

Keywords

memory-studies; trauma-studies; traumatic past; educational experiment; practices of memory; memory of the era of political repression; postmemory

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

КОНСТРУИРУЯ (ПОСТ)ПАМЯТЬ О ТРАВМАТИЧЕСКОМ ПРОШЛОМ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ОБ ЭПОХЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1930-1950-Х ГГ.

Зевако Юлия Валерьевна

Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, Россия.

Email: [milirita\[at\]rambler.ru](mailto:milirita[at]rambler.ru)

Аннотация

В 2019 году Музей истории Екатеринбурга при поддержке Фонда Президентских грантов запустил просветительский проект «Молчать нельзя рассказывать: практики памяти об эпохе политических репрессий». Его цель состояла в поиске способов формирования взвешенного восприятия темы политических репрессий у современных школьников и студентов первых курсов (14 – 19 лет).

Замысел авторов проекта заключался в том, чтобы найти способы перевести сухие цифры и факты документов в «человеческое» измерение, эмоционально вовлечь участников и побудить их не просто узнать о теме больше, но прочувствовать её, сместить восприятие темы с «отстранённого» к личностному и «неравнодушному».

Для достижения такого результата участникам проекта предлагалось пройти через ряд этапов. Измерение эффективности выбранных практик памяти и в целом работы проекта проводилось с помощью специально разработанной программы мониторинга, которая включала в себя заполнение «входных» и «выходных» анкет в начале и в конце проекта, а также опросных листов и коротких групповых интервью после участия в иммерсивном спектакле и знакомства с настоящим архивно-следственным делом.

По итогам реализации проекта можно отметить, что работа подростков в проекте способствовала более глубокому усвоению гуманистических ценностей. Это привело к переосмыслению отношений государства, власти и гражданина, усилению растожествления государства и власти и формированию рефлексивного патриотизма как важнейших условий успешной работы с травматическим, неудобным прошлым нашей страны.

Ключевые слова

memory-studies; trauma-studies; травматическое прошлое; образовательный эксперимент; практики памяти; память об эпохе политических репрессий; пост-память

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха политических репрессий и, в частности, «Большого террора» 1937-1938 гг. – до сих пор остаётся «разделённой памятью» (Сыров 2020, с. 44-52), одним из наиболее «травматичных» сюжетов в истории нашей страны, в отношении которого не достигнут общественный консенсус: он вызывает споры, политически ангажирован и эмоционально пристрастен (Феретти 2002; Ушакин 2009, Vogumil 2012, Sneagon 2019, Зевако 2019).

В 2019 году Музей истории Екатеринбурга при поддержке Фонда Президентских грантов запустил просветительский проект «Молчать нельзя рассказывать: практики памяти об эпохе политических репрессий». Его цель состояла в поиске способов формирования взвешенного восприятия темы политических репрессий у современных школьников и студентов первых курсов (14 – 19 лет) («Молчать нельзя рассказывать» 2020).

Выбор целевой аудитории проекта был продиктован следующими соображениями: как отмечает С. Г. Доронина, «личностная самоидентификация, связанная с принадлежностью индивида к определенному социальному коллективу (группе, корпорации, нации т.д.), активно участвующего в формировании его мировоззрения, осуществляется только в рамках процесса социализации, вместе с которой человек автоматически приобретает знание о коллективном прошлом, запоминание которого обусловлено существованием общих «свободных» мнемонических ассоциаций (2020, с. 37). Возраст 14-19 лет приходится на период осознанной, рефлексивной социализации, когда формируется ценностная и мировоззренческая сфера подростков, а нормы группы могут подвергаться критическому переосмыслению.

Замысел авторов проекта заключался в том, чтобы найти способы перевести сухие цифры и факты документов в «человеческое» измерение, эмоционально вовлечь участников и побудить их не просто узнать о теме больше, но прочувствовать её, сместить восприятие темы с «отстранённого» к личностному и «неравнодушному».

Для достижения такого результата участникам проекта предлагалось пройти через ряд этапов:

1. Погружение в тему репрессий, знакомство с материалами по истории репрессий в Екатеринбурге.
2. Сбор и изучение материала по выбранной тематике внутри темы проекта.

3. Создание собственного высказывания по теме репрессий с помощью кураторов одной из четырёх творческих лабораторий – театральной, арт, медиа и журналистики.

Измерение эффективности выбранных практик памяти и в целом работы проекта проводилось с помощью специально разработанной программы мониторинга, которая включала в себя заполнение «входных» и «выходных» анкет в начале и в конце проекта, а также опросных листов и коротких групповых интервью после участия в иммерсивном спектакле и знакомства с настоящим архивно-следственным делом.

Методологической основой разработки проекта и мониторинга стала концепция «постпамяти» М. Хирш. Согласно данной концепции, постпамять – это «память после памяти», память людей о событии, непосредственными участниками или свидетелями которого они не были. Исследовательница выделяет три уровня «постпамяти»: фамилиальный (функционирует внутри семьи), аффилиативный (вовлекающий; личностное эмоциональное переживание прошлого, которое не коснулось непосредственно твоих предков) и ассоциативный (общепризнанная версия прошлого, разделяемая всеми членами группы; как правило, поддерживается/распространяется государством) (2016а).

М. Хирш предполагает, что формирование «постпамяти» о травматических событиях, когда она выходит за пределы фамилиальной постпамяти и начинает «вовлекать» других людей в этот процесс, как правило, происходит/должно происходить на глубоком эмоциональном уровне за счёт воображения и проецирования, побуждая реципиента «пропустить через себя» «чужую боль», которую испытывали его предшественники, отдалённые от него во времени и пространстве, «присвоить» себе их эмоции и переживания, достигнуть определённой «со-настроенности» и «солидарности» с ними. Через три и более поколений это становится возможным только благодаря выработке специальных «механизмов передачи травматического знания и материализованного опыта» (2016 б).

Доронина С.Г. также отмечает важность появления «устойчивых формальных структур, благодаря которым воспоминания становятся транзитивными» (2020, с. 38).

Дорман В. обращает внимание на то, что «память о советских репрессиях возникает не изнутри и не вблизи, а снаружи и на расстоянии, и ее необходимо... провоцировать, организовывать и собственно формировать». Достижению «символической» близости с жертвами помогает особого рода «прикосновение» к истории: и как реальное прикосновение, телесный, непосредственный контакт человека с

«предметами истории», и как символическое «прикосновение» – через воображение, со-настроенность, эмоции (2010, с. 331).

К таким механизмам формирования, конструирования (пост)памяти можно отнести собранные в комплекс для проекта соответствующие мероприятия: автобусную аудиоэкскурсию «Маршрут памяти» (Автобусная аудиоэкскурсия «Маршрут памяти» 2017), иммерсивный спектакль «Дело Филиппа Загурского» (Автобусная аудиоэкскурсия «Маршрут памяти» 2017), архивную экскурсию в ГАОСО (Государственный архив административных органов Свердловской области, где хранятся архивно-следственные дела репрессированных), непосредственно работу с архивно-следственными делами 1937-1938 гг., встречи с родственниками репрессированных.

Участие подростков в проекте не предполагало навязывание и/или выбор конкретной стратегии постпамяти об эпохе репрессий, среди которых Кирзюк А. и Архипова А. выделяют следующие: (1) путь сопротивления, публичное заявление о преступных деяниях советской власти в отношении собственных родственников, участие в днях памяти репрессированных и т.д.; (2) путь примирения – перекладывание ответственности за репрессии на некомпетентных представителей местной власти; (3) путь бытовой рационализации – нарративы о личных конфликтах (позавидовал, захотел корову, захотел платье), [которые] являются причиной того, что человека сослали, арестовали или расстреляли, акт государства в таких рассказах полностью отсутствует» («Нам бы сейчас товарища Сталина» 2020). Задача состояла в том, чтобы предпринять попытку сформировать «неразделённый нарратив» о травматичном и «неудобном» прошлом с акцентом на ценность человеческой жизни, предоставив последующий выбор или выработку собственной стратегии постпамяти об эпохе репрессий на своё усмотрение каждому участнику.

Исходя из этого, на этапе разработки проекта и мониторинга были выдвинуты следующие предположения:

- на изучение эпохи политических репрессий в школе уделяется мало времени, как следствие, существует информационный дефицит относительно данной темы; информационные пробелы и намеренные умолчания об эпохе политических репрессий на разных уровнях одновременно отражают и порождают противоречивые и конфликтные по своей сути суждения и представления подростков об этой эпохе, способствуя усилению конфликта, а не поиску консенсуса в обществе в будущем, показывают «несостоятельность понимания своего прошлого» («Тяга к Сталину – моральная тупость общества» 2020), отсутствие

осознания важности этих событий в обществе и государстве («Стена скорби», Музей истории ГУЛАГа... 2018, с. 162).

Соответственно, более подробное изучение эпохи, включающее формирование аффилиативного уровня постпамяти, позволит подросткам переосмыслить прежние противоречивые суждения, сделать их более однородными, внутренне согласованными, аргументированными, поможет в большей степени определиться с собственной позицией и отношением к эпохе.

- Как правило, в образовательном, политическом, общественном пространстве говорят о жертвах политических репрессий в общеисторическом статистическом измерении; практика встреч школьников с родственниками репрессированных, как и организация «живых» мероприятий, воздействующих на эмоциональную сферу, спорадична, не выстроена в систему. Как следствие, относительно темы эпохи политических репрессий у школьников не сформирован аффилиативный уровень постпамяти, которая позволяет сочувствовать и проявлять эмпатию, испытывать эмоции по отношению к людям и событиям прошлого. Соответственно, организация для подростков мероприятий, связанных с изучением темы на «человеческом измерении» – через знакомство с судьбами отдельных людей, их опытом переживаний – будет способствовать формированию аффилиативного уровня постпамяти об эпохе политических репрессий, формированию личностного равнодушного отношения.

- Приобретение опыта «горевания» (Эткинд 2016) как личной практики через формирование аффилиативного уровня постпамяти об эпохе политических репрессий может стать важным «мостиком» к коррективке/формированию более согласованной ассоциативной постпамяти – то есть социальной и политической рамки постпамяти об эпохе политических репрессий. Можно предположить, что схожесть переживаемых личных эмоций будет способствовать формированию схожих социальных представлений и суждений о той эпохе.

- Два ярких для России события XX века: самая главная победа (победа в Великой Отечественной войне), и самое жестокое преступление (массовые политические репрессии) пришлось на правление одного человека – И. В. Сталина. Ассоциативная рамка постпамяти о Великой Отечественной войне, поддерживаемая и пропагандируемая государством, подчёркивает героическую сторону победы и формирует образ И. В. Сталина как мудрого руководителя, «эффективного менеджера», «великого полководца», «модернизатора», который организовал прогресс в кратчайшие сроки («Тяга к Сталину – моральная тупость общества», 2020). Согласованной ассоциативной рамки постпамяти об эпохе

политических репрессий в нашей стране нет (Лебедева, 2018, с. 134)¹. Фамилиальная и аффилиативная постпамять о данной эпохе по своему содержанию входит в противоречие с официальным дискурсом Великой Отечественной войны. Вероятно, несмотря на формирование аффилиативной постпамяти об эпохе политических репрессий, ассоциативная рамка постпамяти о войне будет эффективнее и не позволит дать однозначно негативную оценку главному организатору репрессий – И.В. Сталину и эпохе политических репрессий в целом, поскольку, по словам Л.Д. Гудкова, такой образ И.В. Сталина очень тешит массовое сознание общества – настолько, что оно готово закрывать глаза на историю террора и репрессий, то есть основу устойчивости тоталитарного режима («Тяга к Сталину – моральная тупость общества», 2020; Петров, 2012, с. 396; «Нам бы сейчас товарища Сталина», 2020)².

В качестве методических инструментов мониторинга были использованы Шкала дифференциальных эмоций (ШДЭ) К. Изарда (Кунницына 2011), метод ограниченного ассоциативного эксперимента (ОАЭ) (Миронова, 2011, с. 108-119; Иванова, 2013, с. 116-122), метод ранжирования и метод открытых вопросов.

Участие в проекте происходило на добровольной основе, исходя из личного желания обучающегося, которое стало главным фильтром при наборе участников проекта. В начале проекта каждый заполнял «входную» анкету. Всего на участие в проекте заявилось 56 человек, из

1 Эта двойственность ярко показана О. Лебедевой в статье, посвящённой анализу двух музейных «лагерных» экспозиций: «Обе экспозиции признают, что в Советском Союзе лагеря существовали, однако остальные элементы прошлого представлены в них по-разному. В Повенце – героическое советское прошлое, сам канал представляется одним из символов мужества граждан. На Соловках же лагерь представлен как один из элементов широкой сети лагерей, а память о СЛОНе и ГУЛАГе – как память трагическая». Далее автор резюмирует: «В более широком контексте столь серьезная разница между двумя видами памяти показывает отсутствие однозначного отношения к собственному прошлому в России».

2 Гудков Л.Д. отмечает, что пик популярности И.В. Сталина пришёлся на 2012 год и с тех пор имеет тренд на снижение, хоть и незначительное. Петров Н. также в 2012 году указывал на то, что о Сталине «говорят как о «великом государственном деятеле», проводившем, пусть не бесспорную, но последовательную линию на укрепление могущества страны. В скандально известном вузовском учебном пособии А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина «История России. 1917–2009» говорится следующее: «...Сталин, с точки зрения государственности, – великий герой, с точки зрения прав человека, – душегуб и злодей»; Кирзюк А. и Архипова А. на круглом столе, посвящённом вопросам отрицания и памяти о репрессивной политике советского государства, также отмечают оправдательный по отношению к государству и лично тов. Сталину характер нарративов среди большей части населения: «Существует несколько устойчивых типов нарративов, которые смягчают память о репрессиях, делают ее приемлемой... репрессии – это результат каких-то личных конфликтов между людьми, ...результат некомпетентности местных властей, ... наказанные народы на самом деле не были наказаны, а таким образом товарищ Сталин их спасал от фашистов», то есть в любом случае репрессия выступает здесь не в качестве результата государственного насилия.

них – 39 девушек (70 %), 17 – молодых людей (30 %) из разных школ города.

В целом, на разных этапах реализации проекта, хотя бы в одном мероприятии (с заполнением «входной» анкеты) приняли участие 56 человек. Из них во всех мероприятиях от «входной» до «выходной» анкеты приняли участие 14 человек.

Просветительский проект «Молчать нельзя рассказывать» стал своеобразным образовательным экспериментом, попыткой реализации системы мероприятий, связанных с конструированием памяти у подростков о травматичном прошлом своей страны, формированием гражданской ответственности и усвоением гуманистических ценностей.

Все выводы и наблюдения, представленные ниже, репрезентативны именно для исследуемой группы. Тем не менее, с учётом ряда допущений, они могут рассматриваться как тенденции, в целом характерные для учеников старших классов российских общеобразовательных школ, интересующихся эпохой политических репрессий.

В данной статье будут представлены результаты обработки «входных» анкет, в заключении будут выделены некоторые значимые результаты, зафиксированные «выходными» анкетами после реализации проекта.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ОБ ЭПОХЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ДО УЧАСТИЯ В ПРОЕКТЕ

Анализ ответов на вопросы, связанные с уровнем информированности и источниками информации по теме позволил составить первые «штрихи к портрету» группы подростков-участников проекта МНР:

1) только пятая часть участников точно знает, что в их семье были репрессированные («бэкграунд» фамилиальной постпамяти);

2) в разной степени обсуждают с родителями тему репрессий примерно 40% участников,

3) для большинства участников рейтинг основных источников информации о репрессиях распределился так: уроки, документальные фильмы и передачи, внеклассные мероприятия, – то есть образ данной эпохи создают, прежде всего, школа как социальный институт и телевизионно-коммуникационные сети, которые транслируют несформированную и достаточно внутренне конфликтную и неоднородную ассоциативную рамку памяти (или контрпамяти), заложенную в учебниках истории, в документальных передачах и фильмах, заключаю-

щих в себе проекты «политики памяти» об эпохе политических репрессий различных субъектов данной политики.

Отдельный блок вопросов, связанный с изучением мотивации подростков, пришедших в проект («Что вы хотите узнать/прояснить для себя в этой теме?» и «Что вы ожидаете для себя от участия в этом проекте?») позволил зафиксировать неудовлетворённый запрос на само «знание» о репрессиях, на информацию по самым разным аспектам данной темы. Если взять совокупность ответов по двум вопросам ($56 \times 2 = 112 - 10$ (отказы) = 102 как 100%), мы получим следующую конфигурацию:

- 1) *когнитивный уровень* (далее – К-уровень) демонстрирует знание и информацию = 63,7%;
- 2) *эвристический уровень* (далее – Э-уровень) демонстрирует понимание событий и мотивов людей = 21,5%;
- 3) *аффективно-аксиологический уровень* (далее – АА-уровень) демонстрирует желание получить эмоциональный опыт и ожидание личностных ценностных трансформаций = 11,8%;
- 4) *прагматический уровень* (далее – П-уровень) демонстрирует желание создать конкретный продукт, достигнуть конкретную цель = ок. 3%.

Таким образом, структура запросов и ожиданий показывает те дефициты, которые существуют у заинтересованных подростков, а также достаточно высокий уровень личностной значимости темы для них.

С точки зрения концепции «постпамяти», информационный дефицит относительно эпохи репрессий во многом связан с отсутствием согласованности между ассоциативным и фамилиальным уровнями постпамяти, отсутствием общепринятого (не обязательно единственного) нарратива и его широкой популяризации. Всё это не позволяет подросткам самостоятельно найти однозначные ответы на стандартный набор вопросов относительно любых исторических эпох (что? кто? где? почему? зачем? для чего? как? и т.д.). Подобная неясность пробуждает интерес, любопытство, стремление узнать, понять и разобраться, почему эта тема такая спорная, неоднозначная и табуированная. Именно эмоции интереса, удивления и печали были зафиксированы с помощью шкалы Изарда как наиболее интенсивные у подростков в отношении темы эпохи политических репрессий.

Большой интерес представляют результаты анализа задания по работе с суждениями, тем или иным образом оправдывающими или осуждающими политические репрессии 1930-х-1950-х гг. Отсутствие единого консенсусного нарратива об этом периоде истории порождает неоднозначность в его оценках и, как следствие, неуверенность под-

ростков в правильности своих суждений и мыслей (поскольку «правильность» может быть подвергнута сомнению в связи со сменой угла зрения). Это было отчётливо видно по тому, что подростки гораздо чаще выбирали в качестве ответа не однозначный вариант «полностью согласен» / «полностью не согласен», а «сомневающийся» – «больше согласен, чем не согласен» / «больше не согласен, чем согласен». Подростки, выбиравшие ответ «мне всё равно», при интерпретации результатов объединялись в группу «неопределившиеся». Ввиду этих обстоятельств для удобства анализа ответы в диаграммах были сгруппированы следующим образом: а) «не согласен» / «больше не согласен, чем согласен», б) «согласен» / «больше согласен, чем не согласен», в) «мне всё равно», г) «больше согласен» / «больше не согласен».

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие наблюдения. Примерно пятая часть подростков-участников проекта склонна к оправданию политических репрессий 1930-х-1950-х гг., считая приведённые аргументы вполне достаточными. Только половина подростков отметила своё несогласие с представленными суждениями. Любопытно, что во всех трёх случаях доля неопределившихся также составляет примерно половину опрошенных. Однозначные ответы получили вопросы, связанные с преувеличением масштабов репрессий и оправданием репрессий победой в Великой Отечественной войне (несогласие выразили 2/3 подростков). Однако если посмотреть на долю неопределившихся, она вновь колеблется в районе 40-45 %.

Та же ситуация складывается и с зеркальными утверждениями, то есть осуждающими политические репрессии.

Примерно 2/3 подростков так или иначе согласились с представленными утверждениями, при этом вновь 1/5 часть респондентов выразила несогласие и более половины – не определились до конца с собственной позицией.

Эти данные подтверждают выдвинутый ранее тезис о наличии у заинтересованной аудитории участников проекта определённого информационного дефицита относительно данной темы, который не может быть восполнен привычными способами (информация из учебника, разговоры с родственниками, просмотр документальных фильмов и передач). Полученные данные показывают, что «спорность, неоднозначность и табуированность» не позволяют выработать чёткую и ясную позицию, побуждают сомневаться в верности собственного ответа. С другой стороны, именно «неопределившаяся» аудитория подростков в большей степени проявляет «интерес, любопытство, стремление узнать, понять и разобраться».

Несмотря на то, что ребята проявляют достаточно высокую информированность о том, кого считали репрессированными, более 60 % участников отмечают большой недостаток информации об эпохе политических репрессий как в семье (фамилиальный уровень постпамяти), так и в обществе (ассоциативный уровень постпамяти).

Любопытным моментом в заполнении анкеты был выбор суждения из предложенных для собственного комментария.

Анализ пояснений, которые респонденты давали к одному или нескольким утверждениям (по выбору), раскрывая свою позицию, позволяют сделать следующие заключения.

Даже при немногочисленной аргументации очевидно, что дискурс оправдания строится вокруг победы в Великой Отечественной войне, успехах и процветании государства, которое являются целью, а жизнь и смерть человека – это естественные состояния, которые нет необходимости драматизировать. Такую позицию можно назвать государственнической. Она вписывается в современный официальный дискурс памяти о Великой Отечественной войне, транслируемый государством. Сформированная таким образом ассоциативная постпамять о Великой Отечественной войне накладывает отпечаток на представления о предшествующем ей периоде Большого террора. В условиях отсутствия такого же большого консенсусного нарратива об эпохе политических репрессий для некоторой части подростков ассоциативная рамка памяти о войне перекрывает значимость памяти о репрессиях, искажает её масштабы.

Напряжение между необходимостью репрессий и страхом перед их ужасами раскрывается в ряде «двойственных» ответов, построенных по известной школьникам схеме «с одной стороны..., с другой стороны...».

В «двойственных» ответах ярко прослеживается столкновение эффективной ассоциативной рамки постпамяти о Великой Отечественной войне, которая закладывается с ранних лет через самые разные институты социализации и активно поддерживается государством, и гуманистических ценностей, развитие которых также поощряется государством через разнообразные программы повышения правовой и финансовой грамотности школьников, развитие волонтерства. В итоге «в голове» подростков сталкиваются государственнические и гуманистические позиции, часто по своей сути противоречащие друг другу: если думать о прошлом предлагается с позиции «государство – главная ценность», то о современности «личность – главная ценность». Однако в реальности, особенно подросткам, довольно сложно провести подобную грань: сторонники государственнической позиции могут

экстраполировать её на сегодняшний день, поощряя и/или оправдывая те явления, которые были описаны ими в понятии «репрессии/политические репрессии», в то время как сторонники гуманистической позиции (в самых крайних взглядах) могут осуждать любое проявление «сильной руки государства» не только в настоящем, но и в прошлом.

Подобная рассогласованность ценностей затрудняет поиск общественного консенсуса по поводу эпохи политических репрессий, подрывает доверие государству со стороны подростков.

Третья группа ответов – осуждение репрессий – наиболее многочисленная и показывает высокий уровень усвоения гуманистических ценностей и их личностной значимости для большей части современных подростков, интересующихся эпохой политических репрессий. В данной группе можно выделить два крупных блока:

(1) «страдание невинных не может быть оправдано ничем».

(2) «СССР мог выиграть войну без политики репрессий, победа в Великой Отечественной войне не оправдывает репрессий».

Вновь основная риторика строится вокруг победы в Великой Отечественной войне. Здесь более чётко сформулирована и видна рассогласованность важнейших государственных идеологем (государственной позиции, ориентированной, прежде всего, на прошлое, и гуманистической, ориентированной на настоящее и будущее), осмысление разницы между которыми требует значительных интеллектуальных и эмоциональных усилий и осознанного нравственного выбора.

Таким образом, ассоциативная рамка постпамяти о Великой Отечественной войне в определённой своей части входит в конфликт с современными и актуальными для подростков ценностями, подрывая доверие к главному актору официального дискурса – государству. Осмысление исторических событий, особенно столь важных, как победа в войне, с точки зрения предшествовавшего ей периода Большого террора 1937-1938 гг. в свете современных ценностей и ориентиров приводит не только к кризису доверия государству, но и, как следствие, дискредитации патриотизма.

Запрос на поиск такого согласования среди заинтересованной подростковой аудитории и желание говорить о том, что раньше скрывали и о чём говорить боялись, можно обнаружить в комментариях к тезисам про уровень информированности о теме. Комментарии можно разделить на 2 группы: (1) семья и память об эпохе политических репрессий, (2) государство и память об эпохе политических репрессий.

Подростки озвучивают трудности формирования постпамяти об эпохе политических репрессий как на фамилиальном, так и на ассоциативном уровнях, называя среди причин нежелание рассказывать об этом в семейном кругу, отсутствие интереса к семейной истории и истории вообще у подростков, желание государства «выставлять жизнь только с лучшей стороны» и, как следствие, отсутствие масштабных мероприятий, рассказывающих обо «всех ужасах прошедших лет» – то есть, прежде всего, информационный дефицит, зафиксированный нами по ответам на другие вопросы.

Какова внутренняя структура данного рассогласования? Есть ли возможности и предпосылки для такого согласования в представлениях/мировоззрении самих подростков? Данные ограниченного ассоциативного эксперимента (ОАЭ), где подросткам надо было написать по три ассоциации («что/кто?», «какой?», «что делает?») к 9 словам-стимулам: «государство», «СССР», «Родина», «гражданин», «власть», «Россия», «репрессии», «Сталин», «патриотизм», показывает следующее.

Для каждого слова-стимула в результате обработки данных было сформировано ассоциативное поле (далее – АП). Семантический анализ каждого АП помог выделить ключевые характеристики соответствующего концепта, а анализ концептов по группам с помощью кругов Эйлера позволил сравнить ассоциативные поля и выделить основные точки напряжения в соотношении и осмыслении предложенных концептов изучаемой группой подростков.

Ассоциативное поле концепта «государство» можно разделить на следующие смысловые группы:

- 1 Персонификации: *Россия*², *РФ*.
- 2 Сущностные признаки: социальная организация (*институт*³, *система*², *устройство*, *организованное*, *общество*, *общественный*, *социальный*, *государство*, *объединение*), территория (*страна*⁷, *территория*⁵), аппарат принуждения (*аппарат*, *работающий аппарат насилия*, *инструмент угнетения народа*), закон (*законы*), суверенитет (*автономная*, *самостоятельность*), *население (*народ*), *многофункциональное*, *монополия*, *экономическая*, *существует*³
- 3 Функции-ожидания: управление и контроль (*управляет*³, *правит*², *регулирует*³, *контролирует*³, *руководит*, *власть*³, *властвует*, *властное*, *действует*), обеспечение безопасности и защита (*защищает*⁸, *защищает права*, *охраняет*, *бережёт*, *заботится о народе*, *обязано*), *анти-функции и негативные ожидания: подавление (*давит*, *убивает*).

- 4 Субъективно-оценочное ощущение: сила и мощь (*сильное³, сила³, мощное³, большое², огромное, великое, величество*), значимость (*серьёзное, важность, родная*), развитие (*растёт, развивается, индустриальное*), единство и общность (*единство², объединенная, общий, целостный*) свобода (*свободное³, независимый*), неопределённость будущего/настоящего/прошлого (*шаткое, неоднозначный*), неподконтрольность и опасность (*самоуправное, смертельный, гниль, за что?, то, с чем нельзя не согласиться*).
- 5 Институционально-политические характеристики: политический режим (*демократия, демократическое*), форма правления (*республика*), элементы и субъекты политической системы (*Госдума, Правительство, президент, граждане*), верховенство закона (*конституционный, справедливость*),

Человек и государство находятся в субъектно-объектных отношениях. Можно выделить страхи и опасения человека относительно того, что государство будет делать что-то против него, а человек в качестве объекта ничего такому поведению государства противопоставить не может, кроме надежды на то, что такого не произойдёт; в ином случае – это будет не зависящий от него факт, реальность, к которой человеку надо будет приспосабливаться.

Ассоциативное поле концепта «власть» можно разделить на следующие смысловые группы:

- 1 Персонализации: *люди², государство², страна, Дума, аппарат, правительство, правитель, лидер, Путин, твари.*
- 2 Сущностные признаки:
 - 2.a закон², права, право,
 - 2.b инструмент,
 - 2.c способность, завораживать, власть это наркотик,
 - 2.d политическая, консервативна.
- 3 Функции-ожидания:
 - 3.a Положительные: управление и контроль (*управление⁵, правление², направляет, контроль³, регулирует, руководит, чёткость*), обеспечение безопасности и защита (*защита², наводит порядок, правила, обязывает, бдит, строгость*), со-зидательность и подконтрольность людям/для людей (*по-слушный, создаёт, осуществляет, понимающая, решающий, решает, улучшает, творит, амбициозная*);
 - 3.b Вызывающие опасения = искажения: ~~управление и контроль => диктует, командует, следит; обеспечение безопасности и защита => убивает, убирает, карает; со-зидательность и подконтрольность людям/для людей => подчи-~~

няет, поглощающая, поработывает, обогащается, не понимает людей, ухудшает.

4 Субъективно-оценочное ощущение:

4.a Положительные: сила и значимость (*сила⁷, сильная⁵, важная, влияющая, влиятельный, могущество, обязательная*), со-зидательность и человекоориентированность (*ответ-ственная³, справедливая³, социальная, подчинённая, равно-правие, равноправная, общая*);

4.b Вызывающие опасения: тотальность (*абсолютная² все-объемлющая, самодержавная, диктаторская, неоспоримая, единоличность*), неподконтрольность и опасность (*подав-ляющая², жестокая³, жесткий, концентрация насилия*), раз-рушительность и ориентированность на себя (*властная², властвующий², нечестная², несправедливая, лгать, корруп-ционная, неустраивающая, привилегия*).

В структуре АП преобладают негативные коннотации.

Отношения с властью у человека также субъект-объектные, где власть – субъект, а человек – объект приложения её воли и действий, он чувствует себя дистанцированным от неё, этому произволу власти он ничего противопоставить изнутри не может. Более того, если госу-дарство ещё идеализируется, то власть в большей степени персонали-зируется и наделяется негативными чертами. Нынешняя власть мыс-лится подростками как уже искажённая – опасная, тотальная, ориенти-рованная на себя.

Ассоциативное поле концепта «гражданин» можно разделить на следующие смысловые группы:

- 1 Персонафикации: *человек²¹, житель⁷, физ.лицо, мы, Я, народ*,
- 2 Сущностные признаки: *член общества, часть, основа, представи-тель государства*,
- 3 Типы:
 - 3.a положительный активный (*свободный³, ответственный⁵, права⁵, имеющий права², отстаивает, действует, свобода, говорить, активный, человек с гражданской позицией, участ-вует, мнение, голос², выбирает*);
 - 3.b положительный пассивный (*законопослушный³, закон, по-слушный², подчиняется², соблюдает, выполнять, исполняет свои обязанности, обязанности², примерный, молчит, безза-щитен, наблюдает*).
- 4 Идеальный образ «Я»:

4.a Деятельность: *живёт⁹, живущий³, защищает, служит, существует, знает, уважает её, благоустраивает, работает, работающий, помогает, обеспечивает (нрзб);*

4.b Самоописание: *обычный², усреднённый, честный^б, важный, красивый, верный, умный, надеющийся, разные, преданный, порядочный, думающий, всесторонний.*

В структуре АП преобладают положительные коннотации. Чётко выделяются две противоположные стратегии поведения в обществе – активная и пассивная, при этом у участников проекта нет единства во мнении – каков он, «правильный гражданин»:

(1) положительный активный тип гражданина – это субъект, который хочет противопоставить себя произволу, искажениям власти в государстве, влияющим на её решения, отстаивающим свои права и т.д.;

(2) положительный пассивный тип гражданина – это объект, занятый своими повседневными делами, работает, благоустраивает свою жизнь, живёт, служит, защищает, но при этом послушно и молча выполняет то, что говорит власть и государство, даже если это искажённые функции и произвол.

Тем не менее, через данную категорию – «гражданин» – часть подростков себя субъективировала, отделила от фигуры государства (заботливого отца) и власти (своеобразного опекуна-управителя), то есть вышла за пределы классической патерналистской модели отношений «человек-государство».

Ассоциативное поле концепта «Родина» можно разделить на следующие смысловые группы:

- Персонализации: *мать⁴, семья, дом¹⁰, место², место рождения³, земля, территория, край, страна, мир², Екатеринбург, Россия⁴, Русь, отечество⁴, абстрактное место.*
- Суцностная характеристика: *моя², начало, первый, одна.*
- Функции-ожидания:
 - От Родины к человеку: *защищает², призывает², заботится², существует², есть, растит, разрастается, рождает, развивается, вырачивает чувство долга и патриотизма, патриотизм, держит, не сдаётся, воспитывает, ценит, охраняет, учит, принимает, возрождает, притягивает, определяет, создающее людей, слышит [образ матери];*
 - От человека к Родине: *защищаешь, защищать², любовь³, любить², гордиться, то, что нельзя предать, жить [образ преданного сына и защитника].*
- Субъективные характеристики:

- Позитивные: *родная⁸, любимая⁵, любимый², разная², красивая², живая², прекрасная, приватная, важная, важная часть, объединяет, своя, добрая, великая, комфортный, близкое, близкие;*
- Негативные: *проблематичная, проблема, убожество, страшный, сажает, слабая, не развивается, не помогает, инструмент, цепь для человека, тяжёлая, убежать.*

В структуре АП преобладают положительные коннотации. Отношения Родины и человека в большей степени субъективированы, нежели с государством и властью, но имеют предзаданный характер: активность человека предназначена для того, чтобы любить, защищать, оберегать свою Родину, то есть можно отметить, что это ограниченная субъектность.

Ассоциативное поле концепта «Россия» можно разделить на следующие смысловые группы:

- 1 Персонификация: *дом, государство⁴, родина⁹, страна¹², страна, в которой проживает много наций, Путин.*
- 2 Сущностные характеристики: *моя, русская, территория, держава².*
- 3 Функции/действия-ожидания:
 - 3.a Положительные: *живет, борется², строит, управляет, делающая что-либо, побеждает, вспоминает, объединять, горит вперёд, развивается², процветает³.*
 - 3.b Вызывающие беспокойство и опасения (искажения): *продаёт (Китаю лес), не защищает, пугает, терять, конфликтует, мешать, воюет, падает.*
- 4 Субъективные характеристики:
 - 4.a Позитивные: *великая³, огромная³, разнообразная², свободная³, большая¹⁰, современная, красивая, сильная, родная, любимая, близкий, священная, необъятная, круто, патриотизм;*
 - 4.b Негативные: *противоречивая, слабость, слабая, властная, ненависть, приходит в упадок, заблудившееся государство, недоразвитая, люди не развиваются, запущенная, дыра, кризис.*
- 5 Институционально-политические характеристики: *Федерация³, демократия, демократическая, республика, суверенная, светское, индустриальная.*
- 6 Темпоральная характеристика: *существует⁴, настоящее, традиции, холодная, дореволюционная, переворачивающаяся с ног на голову, сложная и невероятная история.*

С институционально-политической точки зрения Россия мыслится подростками ближе к государству, нежели текущей политической власти, которая представляется как исключительно авторитарная (в разных вариантах). Анализ АП показывает, что «власть» не равно ни «государство», ни «Россия», хотя негативное отношение к текущей власти накладывает отпечаток на восприятие государства, России и патриотизма.

В отношениях с «Россией» человек не выражен в качестве действующего субъекта; она выглядит как самоценное и самостоятельное антропоморфное существо: её можно любить, ненавидеть, чего-то от неё ожидать, но от этого она не перестаёт быть, её существование не связано с деятельностью и активностью отдельного человека.

Темпоральная характеристика привносит ясность в осмысление подростками концепта «Россия». Можно зафиксировать противоречие между настоящим, прошлым и будущим, где прошлое представлено достаточно положительными характеристиками, выражены надежды на будущее, в то время, как негативные характеристики описывают прежде всего настоящее

Можно предположить, что такая темпоральная конфигурация отражает недоверие и неприятие подростками России как текущего государства, текущей власти и навязанного ею патриотизма. В данном случае угол зрения определяет язык дискурса: «Как можно любить эту страну – ужасную, отсталую, недоразвитую, запущенную, с коррупционной властью?» не равно «Я очень люблю Россию – это мой родной дом, близкий, любимый, красивый, необъятный» (диапазон: от «критик=ненавистник» до «патриот=слепой патриот»).

Ассоциативное поле концепта «**Патриотизм**» можно разделить на следующие смысловые группы:

1 Персонафикация:

1.a адресат: *Родина, Россия, государство, страна;*

1.b адресант: *гражданин, русские.*

2 Сущностная характеристика: *чувство⁷, любовь⁴, вера³, качество², принцип, черта человека, черта, идея², идеология, слово, убеждение.*

3 Функции:

3.a функции по отношению к адресату: *любить, любовь к государству, искренняя любовь к своей стране, к родине, любовь к родине, защищать⁷, защищает родину, гордиться, служить, верность, верный, ответственный, долг;*

3.b функции по отношению к адресанту:

b.i положительные: *зарождающий гордость, даёт веру, даёт надежду, побуждает к действиям, спланирует,*

поддерживает, вызов эмоций, объединяет, ставит приоритеты, воспитывается;

b.ii нейтральные: *возникает², растёт, рассказывает, процветает;*

b.iii отрицательные: *навязывается³, удерживает, прокачало страну.*

4 Субъективные характеристики:

4.a позитивные: *сильный⁴, сила, крепкий, надёжный, достойный, честный, любящий, близкий, близкое, важное, святое, благо, верующий, нравственный, слава, повсеместные, неотъемлемый, природный, самоопределённый;*

4.b негативные: *лишний, презрение, неоправданная гордость, слепой, незаслуженный, отсутствует, спорный, всеобъемлющий, используемое чувство, прибежище, мерзкая, странность, ради чего?, дедовщина, не либерализм, лобызать, дурной.*

Можно отметить сложную «внутреннюю» структуру концепта «патриотизм». Здесь присутствует 3 субъекта: адресат патриотизма (Родина, государство), адресант (гражданин), неявный третий субъект – тот, кто воспитывает («воспитывается») или навязывает («навязывается») патриотизм. Согласно представлениям подростков, патриотизм может возникнуть естественным образом, но всегда подспудно присутствует направляющая сила, которой могут быть, например, родители, семья, а может быть «власть» как носитель «идеологии».

В таком случае противоречивое/негативное/недоверчивое отношение к власти переносится на её активность и идеологию, в том числе, на патриотизм.

Кроме того, необходимо различать патриотизм по отношению к родному дому и Родине и патриотизм к стране, государству: первый мыслится подростками как естественное «природное чувство», второе – как навязываемая идеология.

Ассоциативное поле концепта «СССР» можно разделить на следующие смысловые группы:

- 1 Персонификации: *Союз советских социалистических республик, союз⁹, государство³, страна², большая объединённая страна, власть, пионер.*
- 2 Сущностная характеристика: *объединение, сверхдержава, держава, содружество, коллектив.*
- 3 Функции/действия, реализованные в прошлом:

- 3.a Созидательные: *строит², объединяет, сплочает², управляет, побеждает, сотрудничает, процветает, строит коммунизм, сыграло роль в развитии страны;*
- 3.b Разрушительные (то, что подросткам в советском прошлом, каким оно им представляется, не нравится): *вызывает ужас, угрожает, ущемляет, борется, диктует, страх, воевать, контроль, закрывается, репрессии, наказание, грубое отношение.*
- 4 Субъективные характеристики:
- 4.a Позитивные: *сильное², сила, единое², единство, равные², нерушимый², большой, прогресс, великое, привлекательное, дружный, многонациональный, мечта, патриотизм, коммунизм, гордиться, гордость, красивое, надежда, необычный, значимый;*
- 4.b Негативные: *отпугивающие извращённые идеалы, провалившийся эксперимент, одинаковость, несправедливый², перемолотый.*
- 5 Институционально-политические характеристики: *социализм³, коммунистическая², тоталитарный², система, консерватизм.*
- 6 Темпоральная характеристика: *развалился³, распался², прошлое³, прошедший, оставляет след, не существует, был, умерло, распадается, распад, страна, которой нет, тяжёлое время, период.*

Обращает на себя внимание темпоральная характеристика: для подростков-участников проекта «СССР» – это прошлое, период истории, который уже завершился, хоть и «оставил след», а сам СССР уже «развалился», «не существует», хоть и «сыграл роль в развитии страны». Эта тенденция подтверждается в персонификациях и сущностной характеристике – здесь нет притяжательных местоимений «моя», «своя», «родной», «дом» (как это было относительно концептов «Россия» и «Родина»), отсутствуют обозначения личной причастности и привязанности.

Временная и эмоциональная дистанцированность подростков от «СССР» подталкивает на мысль интерпретировать остальные реакции с точки зрения страхов и ожиданий (надежд) по отношению к настоящему и будущему в рамках своей страны – России. Страхи сконцентрированы вокруг консервации существующей политической системы и превращения её в тоталитарную, несправедливую, которая «вызывает ужас», «угрожает», «ущемляет», «борется со своим народом», «диктует», «контролирует», «осуществляет репрессии», грубо относится к своим гражданам. Ожидания-надежды («мечта») – что Россия (с)может быть «великим», «сильным», «дружным» и «нерушимым» государ-

ством, «сверхдержавой», «большой объединённой страной», «красивой» и «привлекательной», которая вызывает гордость и патриотизм. Несмотря на то, что для части подростков «СССР» – это «провалившийся эксперимент» и «извращённые идеалы», советский период мыслится подростками как неотъемлемая часть, неотчуждённое прошлое своей страны.

Ассоциативное поле концепта «Репрессии» можно разделить на следующие смысловые группы:

- 1 Персонификация (субъект): *Ленин, Сталин, государство.*
- 2 Характеристика:
 - 2.a Сущностная: *мера, меры², средство, метод, инструмент государства;*
 - 2.b Институциональная: *политика, внутренняя политика, политические, очень строгий режим, придерживается системы;*
 - 2.c Темпоральная: *период, суровая эпоха, 1930.*
- 3 Объект: *раскулаченные, народ.*
- 4 Функции:
 - 4.a Негативные: *наказания³, расправа, карают, уничтожают.*
 - 4.b Позитивные: *помогают, очищают.*
- 5 Методы: *давление, притеснения, гонения, нападение, насилие⁴, ссылки людей или расстрел, ущемляет, подавляет, ломают, угнетали, убивают¹², губят², смерть, уничтожение.*
- 6 Субъективные оценки:
 - 6.a Отрицательные: *несправедливость, несправедливый, неоправданные², жёсткость, жестокость⁴, жестокая, жестокие⁷, ужасное², бессмысленные, кровавое, пугающие, несообразный (к мерам), незаслуженные, лицемерие, ошибка;*
 - 6.b Положительные: *правильные, необходимость, неизбежные*
- 7 Личные переживания/эмоции: *страшно³, ужас², печально², противостоять, месть, боль.*

Репрессии осмысливаются подростками как «жестокий», «бессмысленный» и «несправедливый» «инструмент», который «государство в лице своих правителей «суровой эпохи» 1930-х гг. направило против «народа», «уничтожая» неугодных с помощью «расправ» и «насилия». Всё это вызывает у большинства подростков «страх», «ужас», «боль», «печаль», желание противостоять подобным явлениям. Тем не менее, небольшая часть подростков считает репрессии

«необходимой» и «правильной» мерой, которая помогает «очистить» государство. Именно поэтому в АП появляются ассоциации «спорно», «обсуждают».

Если сравнивать концепты «репрессии», «государство» и «власть», можно отметить, что по смысловому наполнению репрессии ближе к власти, более того, они усиливают негативные черты власти, искажающие добрую природу государства, доводят их до предела (например, если власть «строгая», то репрессии «очень строгие» и т.д.) Соответственно, можно предположить, что репрессии в представлениях подростков – это не «безумие государства», а именно «безумие власти».

Если представить концепты «Родина», «государство», «власть» и «репрессии» в определённой взаимосвязи, то можно увидеть следующую конфигурацию: есть любимая Родина, на ней есть государство, которое нужно для защиты человека и выполнения важных жизнеобеспечивающих функций, но оно может портиться, часто его портит власть, которая искажает нормальное государство, противоречит нашим ожиданиям, думает только о себе, а репрессии – это доведённые до предела негативные черты власти, полное противоречие ожидаемым функциям государства (как они видятся подросткам), то есть они антиприродны и противоестественны.

Ассоциативное поле концепта «Сталин» можно разделить на следующие смысловые группы:

- 1 Персонификация (личный бренд): *усатый*³, *трубка*.
- 2 Сущностная характеристика: *человек*⁷, *человек*, *умело использующий власть*, *диктатор*⁷, *правитель*⁶, *строгий правитель*, *вождь*⁵, *тиран*, *революционер*, *личность*, *лидер*, *глава*, *деятель*, *товарищ*, *лицедей*, *грузин*, *предатель*.
- 3 Функции/действия/(анти)достижения:
 - 3.a Позитивные: *управляет*², *правит*, *править*, *объединяет*, *защищает*, *поднимает страну*, *контролирующий*, *руководит*, *руководит страной*, *создал государство нового строя*, *управляющий*, *решительный*, *заботится*, *непреклонный*, *ведёт*, *делает*, *побеждает*, *победил*, *верующий*;
 - 3.b Негативные: *убивает*², *уничтожает*², *тиранизирует*, *расстреливает*, *репрессировывает*, *подчиняет людей*, *угнетал*, *заставлять*, *война*².
- 4 Субъективные характеристики:
 - 4.a Положительные: *строгий*⁵, *сильный*³, *могущественный*, *серьёзный*, *суровый*, *важный*;

4.в Отрицательные: *жестокий*⁷, *жестокость*, *неоправданная жестокость*, *властность жёсткий*, *несправедливый*, *опасный*, *не очень хороший*, *импульсивный*.

5 Личные переживания/эмоции: *отторжение*.

В сочетании с анализом предыдущих концептов, можно предположить, что концепт «Сталин», как и концепт «СССР», связан в большей степени не с осмыслением прошлого, а с переживаниями по поводу настоящего и будущего. Положительные характеристики Сталина коррелируют с положительными функциями-ожиданиями от государства, только персонифицированными в личности правителя. Негативные характеристики, в свою очередь, коррелируют с выявленными опасениями подростков по поводу искажения «здоровых» созидательных функций государства властью, высшей точкой которого становятся репрессии.

Любопытным является факт, что в отличие от «СССР», по отношению к которому у подростков можно зафиксировать сложившуюся темпоральную дистанцию, «Сталин» принадлежит одновременно и прошлому, и настоящему, воплощая в своей фигуре нарастающие в современной России противоречия между тенденциями политического развития (усиление государственничества) и усвоенными подростками гуманистическими ценностями. Данное напряжение отчётливо видно в схожих реакциях на концепты «СССР», «власть».

В представлениях подростков, общее ядро концептов «государство», «власть», «гражданин» составляют «важность», «обязанность» (человек=выполняет, государство= /само/ обязано, власть =/сама/ обязывает), «защита», «закон», то есть они связаны обязательствами по отношению друг к другу, основанными на праве и законе, которые каждый должен соблюдать и подчиняться им (власть создаёт, государство обеспечивает, человек подчиняется и соблюдает). Соответственно, власть наводит порядок, издаёт законы, государство заботится о народе, защищает его, обеспечивает права человека, который ведёт себя законопослушно и ответственно. С точки зрения подростков таков идеальный образ взаимоотношений человека, власти и государства.

Таким образом, выявленные представления подростков о 9-ти предложенных концептах показывают сильное внутреннее напряжение в осмыслении понятий «государство», «власть» и «гражданин» (как в отношении прошлого, так и в отношении настоящего), усиливающее диспозицию «государственническая концепция» vs «гуманистическая концепция».

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ ОБ ЭПОХЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПОСЛЕ УЧАСТИЯ В ПРОЕКТЕ

Представленный ниже анализ включает сравнение не только «общей» («до» начала участия в проекте) и «выделенной» («после» завершения участия в проекте) групп, но также сравнительную характеристику «общей» и «выделенной» групп до начала участия в проекте. Такой подход, продиктованный обстоятельствами, поможет более точно выявить и проанализировать эффекты, произведённые на подростков участием в проекте МНР.

Рассмотрим «входные» характеристики выделенной (N=14) и общей (N=56) групп подростков. Ответы на вопрос «Были ли в Вашей семье репрессированные?» распределились примерно одинаково: только пятая часть имеет бэкграунд фамилиальной постпамяти об эпохе политических репрессий, остальные либо не знают о репрессированных родственниках, либо таковых не имеют.

Тем не менее, в семьях примерно 50 % подростков выделенной группы (против 41 % в общей группе) родители также интересуются и обсуждают тему эпохи политических репрессий, тогда как 36 % (против 50 % в общей группе) участников эту тему с родителями не обсуждают. Таким образом, для половины выделенной группы подростков семья является средой, в которой они могут, хотя бы частично, реализовать свой интерес к теме. Тот факт, что они пришли в проект, говорит о более высоком, по сравнению с общей группой, уровне заинтересованности в изучении темы эпохи политических репрессий, стремлении углубить свои знания.

Несмотря на то, что родители проявляют интерес к обсуждению данной темы, первым источником информации об этой теме они стали лишь для 1/7 участников выделенной группы. По остальным позициям рейтинг основных источников информации распределился таким же образом, как и в общей группе: уроки, документальные фильмы и передачи, внеклассные мероприятия. Это говорит о произвольном, более осознанном и целенаправленном интересе выделенной группы подростков к теме репрессий.

Некоторую разницу между общей и выделенной группами показывает сравнение ответов на вопросы об ожиданиях и мотивации в «входных» анкетах:

- 1) *когнитивный уровень* [далее – К уровень] (ответы сформулированы со словом «узнать/знание/информация»: 63,7% против 53,6%);
- 2) *эвристический уровень* [далее – Э уровень] (запрос направлен на понимание происходивших в то время событий, а также мотивов лю-

дей, так или иначе участвовавших в этих событиях – палачей, жертв, общества в целом: 21,5% против 25%);

3) *аффективно-аксиологический уровень* [далее – АА уровень] (ответы связаны с желанием получить эмоциональный опыт, поделиться впечатлением/мнением/узнанным, с ожиданием личностных эмоциональных/ценностных трансформаций: 11,8% против 21,4%);

4) *прагматический уровень* [далее – П уровень] (ответы связаны с желанием создать конкретный продукт, достигнуть конкретную цель: 3% против 10,7%).

Ответы на эти вопросы вновь показывают изначально более высокий уровень знаний и заинтересованности у выделенной группы в изучении темы эпохи политических репрессий, запрос на более глубокий уровень погружения в тему и её осмысления.

Таким образом, по сравнению с общей группой, выделенная изначально характеризовалась как более подготовленная (К уровень) и заинтересованная (Э уровень, АА уровень и П уровень) в теме исследования эпохи политических репрессий.

Перейдём к анализу изменений, произошедших у подростков в результате участия в проекте.

Данные по частоте встречаемости отдельных элементов в определении понятия «репрессии/политические репрессии» показывают, что, в отличие от общей группы, выделенная группа в большей степени делала акцент на субъекте и причинах (государство/правительство защищает строй и т.д.), нежели на объекте и методах (народ/группы людей ... притесняли, угнетали и т.д.). Это значит, что выделенную группу больше интересовал политический аспект темы, она была изначально более заинтересована в изучении социально-политической действительности в стране. С точки зрения уровня понимания, для этой группы важнее было обозначить не знаниевую характеристику (репрессии – это *что* и в отношении *кого*, то есть запрос на когнитивном уровне), а выявить причинно-следственную связь – ответить на вопросы *кто* это делал и *почему* (запрос на эвристическом уровне).

После реализации проекта в ответах подростков значительно выросли показатели по всем элементам – определения стали более полными. Знакомство с личными историями через встречи с родственниками, иммерсивные практики, знакомство с архивно-следственными делами побудило выделенную группу подростков сместить акценты: связка «субъект-причина» уступает место связке «метод-субъект-причина», что говорит об осмыслении подростками таких вопросов в контексте темы эпохи политических репрессий, как «соразмерность преступления и наказания» и «оправдывает ли цель средства её дости-

жения». Близкое по количеству упоминаний в определениях причин и объекта показывает некоторую дилемму: что важнее – знать, *кого* репрессировали, или *почему*?

С точки зрения значимости элементов определение понятия «репрессии/политические репрессии» можно выстроить по схеме: метод-субъект-причина-объект.

Описание метода дополнилось деталями – «наказание», «ограничения и другие виды наказаний», «методы карающего характера», «карательные меры», «карательные насильственные меры», «узаконенное насилие», «массовое проявление насилия», «особые силовые меры, сопровождающиеся массовым или точечным террором», «массовая «очистка», «подавление», «метод подавления человеческой воли», «уничтожение», «действия на уничтожение», «массовое угнетение, забирает право быть счастливыми», «жестокое отношение», «ряд жестоких мер». Для большинства подростков важным оказалось точно назвать источник насильственных мер по отношению к объекту проявления несправедливости, то есть субъекта репрессий (присутствовал почти в каждом ответе): «государство», «государственные лица и органы», «государственная власть», которые стремятся (причины) обеспечить себе «защиту своих интересов и строя», «сохранение своей власти...», «урегулирование политической обстановки или удержание власти», «подавление нежелательных последствий и сохранение строя», «предотвращения распада их [тоталитарных государств] авторитета». Кого власть считала настолько опасной, что защитить себя могла только карательными насильственными мерами? Объектом репрессий становились «люди», «народ», «свой народ», «свои граждане», которые государством «подозревались в совершении преступления» – были в его глазах «потенциальными политическими противниками» и в силу этого становились «неудобными... элементами общества».

Достаточно подробные и при этом довольно однородные определения, включающие уточнения и детали, позволяют говорить о высокой степени согласованности представлений подростков о репрессиях, о более глубоком усвоении материала и о формировании личностного отношения к изучаемой теме после участия в проекте.

Проверим данные предположения с помощью сравнительного анализа ответов на задание по работе с суждениями у общей и выделенной группы подростков до начала проекта и у выделенной группы после участия в проекте. Все суждения можно разделить на три совокупности: оправдывающие репрессии, осуждающие репрессии и связанные с уровнем информированности по данной теме.

I. Отношение к высказываниям, так или иначе оправдывающим репрессии:

- *«Репрессии 1930-х гг. были необходимым условием для ускоренной подготовки нашей страны к войне. В стране действительно было много «вредителей» и «врагов народа». До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от общей группы большим количеством неопределившихся со своей позицией и незначительными отклонениями по остальным параметрам. В результате участия в проекте доля подростков, оправдывающих репрессии, осталась на уровне 1/5-1/4, резко сократилась доля сомневающихся (с 28,2 % до 7,14%), при этом значительно увеличилась доля тех, кто считает, что репрессии не были необходимым условием для подготовки нашей страны к войне (с 50 % до 64,2%). Таким образом, те, кто изначально был убеждён в необходимости репрессий для подготовки к войне, остались на своих позициях, часть сомневающихся сделала свой выбор, определилась со своей позицией.*

- *«Масштабы и значимость репрессий 1930-х гг. преувеличивают, так как количество расстрелянных и сосланных в лагеря (около 4 млн человек) для такой огромной страны, как СССР, особенно перед войной, это совсем немного». До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от общей группы отсутствием согласных с данным высказыванием (0% против 5,3 %), меньшим количеством неопределившихся (7,14% против 14,3%), большим количеством высказавшихся против данного утверждения (85,7% против 76,8%), значительно большим количеством сомневающихся (41,1% против 57,1%). После участия в проекте увеличилась доля согласных с данным суждением (до 14,3%), значительным снижением доли неопределившихся с позицией (до 1,14%), заметным снижением сомневающихся (до 50%). Доля несогласных с данным утверждением осталась примерно на том же уровне (соответственно, доля точно определившихся со своим ответом увеличилась).*

- *«Я считаю, что Сталин всё сделал правильно». Данное суждение оказалось довольно сложным в осмыслении: до начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы более низким количеством неопределившихся (7,14% против 19,6%), большим количеством осуждающих данное утверждение (55,3% против 64,3%), а также значительно меньшим количеством сомневающихся (28,6% против 41,1%). После участия в проекте количество согласных с тем, что Сталин всё сделал правильно, достигло примерно 1/5, число не согласных с данным утверждением осталось примерно тем же, немного увеличилось число неопределившихся, примерно в два раза увеличилось доля сомневающихся подростков.*

- *«Те успехи в науке, в промышленности, в строительстве новых городов и предприятий, которых достигла наша страна – всё это перевешивает жизни тех людей, которые пострадали в эпоху политических репрессий».* До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы более низкой долей согласных с данным утверждением (14,3% против 21,4%) и более низкой долей сомневающих (42,9% против 50%). После участия в проекте доля согласных с данным утверждением составила примерно 1/7-1/5 участников, незначительно снизилось количество не определившихся с ответом (с 25-28% до 21,4%), значительно увеличилось количество не согласных с данным утверждением (на 14%), значительно снизилось количество сомневающих (до 35,7%). Таким образом, по данному вопросу также значительно возросло число тех, кто в результате участия в проекте более чётко определился со своей позицией.

- *«Победа в Великой Отечественной войне оправдывает те жертвы, которые были принесены в эпоху политических репрессий».* Данное суждение оказалось довольно сложным в осмыслении: до начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы более низким количеством согласных с данным утверждением (7,14% против 17,8%), большим количеством неопределившихся (21,4% против 14,3%), чуть большим количеством не согласных с утверждением и сомневающих. После участия в проекте доля согласных вновь составила 1/5 участников, 1/6-1/5 участников так и не смогла определиться с позицией, упало количество не согласных с данным утверждением (с 66,1-71,5% до 57,1%) при том, что доля сомневающих также значительно сократилась (с 50% до 28,6%). Таким образом, несмотря на снижение количества осуждающих ответов, по своему качеству они стали более определёнными («совершенно не согласен»). То же касается и тех, кто выразил согласие с данным утверждением.

II. Отношение к высказываниям, так или иначе осуждающим репрессии:

- *«Я считаю, что политические репрессии – это неоправданное преступление против своего народа, так как пострадало большое количество невинных людей».* До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от общей группы чуть большим количеством не определившихся со своим мнением (57,1% против 55,3%) и меньшим количеством не согласных с данным утверждением (14,3% против 21,4%). После участия в проекте количество согласных с данным утверждением осталось на отметке чуть более 3/4 участников, отсутствовали ответы, опровергающие данное утверждение, и значительно снизилась доля сомневающих (с 55,3-57,1% до 35,7%). Соответственно, несмотря

на то, что общее количество подростков, согласных с данным утверждением, не изменилось, у большей части из них ответы содержали чёткую позицию («полностью согласен»). Участие в проекте позволило им сформировать более чёткую собственную позицию по отношению к репрессиям.

- *«Я считаю, что Советский Союз мог подготовиться к Войне и выиграть её без политики репрессий в отношении своих граждан».* Вновь суждение о связи Великой Отечественной войны и репрессий стало сложным в осмыслении и выражении собственного мнения: до начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы незначительной разницей в количестве согласных с данным утверждением и затруднившихся с ответом, большим количеством не согласных с данным утверждением (21,4% против 35,7%) и большим количеством сомневающихся (53,6% против 64,2%). После участия в проекте доля несогласных упала с 1/5-1/3 участников практически до 0, значительно увеличилась доля согласных с данным утверждением (с 57,1-60,7% до 71,4%), не изменилась доля сомневающихся при увеличении доли затруднившихся с ответом до 1/4.

Участие в проекте позволило подросткам переосмыслить необходимость и роль репрессий в подготовке к Великой Отечественной войне. Часть из тех, кто был не согласен с данным утверждением в начале проекта, либо изменили собственное мнение на противоположное, либо отказались от прежней позиции, но пока не выработали более или менее понятного для себя нового мнения.

III. Отношение к высказываниям, связанным с оценкой уровня информированности об эпохе политических репрессий:

- *«В нашей стране во многих семьях есть люди, которые пострадали от репрессий, но об этом боялись говорить, и даже не все сейчас знают, что среди их родственников были репрессированные».* До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы незначительной разницей в количестве согласных и не согласных с данным утверждением. После участия в проекте все подростки определились с ответом, но при этом в 1,5-2 раза увеличилось количество сомневающихся (с 26,8-28,6% до 57,1%), в 2,5-3 раза увеличилось количество несогласных. Таким образом, погружение в исторический контекст эпохи политических репрессий, участие в разнообразных мероприятиях усложнило представление подростков о состоянии памяти об этой эпохе, об уровне информированности о ней в разных социальных группах.

- *«К репрессированным относятся не только люди, которых арестовывали как «врагов народа» в 1937 – 1938 гг., но также раскулаченные, вы-*

сланные со своих прежних мест жительства по национальному признаку, а также их дети». До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы большим количеством затруднившихся с ответом (28,6% против 17,8%) и отсутствием не согласных с данным суждением (0% против 7,14%). После участия в проекте все подростки смогли определиться с собственным мнением: увеличилось количество согласных с предложенным утверждением (с 69,1-71,5% до 78,6%), 1/7-1/8 часть высказали своё несогласие, значительно увеличилось количество сомневающихся (с 48,2-50% до 64,2%). Возможно, это связано с тем, что проект был направлен именно на знакомство с эпохой политических репрессий через проработку эпохи Большого террора 1937-1938 гг.; архивно-следственные дела, с которыми работали подростки, также относились к эпохе Большого террора.

- «Я считаю, что в России мало рассказывают про эпоху политических репрессий, проводится мало мероприятий, и люди не имеют ясного представления о том, что это было за время». До начала проекта выделенная группа подростков отличалась от показателей общей группы большим количеством затруднившихся с ответом (14,3% против 7,14%), меньшим количеством несогласных (14,3% против 26,8%) и сомневающихся (50% против 62,5%). После участия в проекте в выделенной группе подростков снизилось количество согласных с утверждением (с 64,2% до 57,1%) и увеличилось количество не согласных с ним (с 14,3% до 28,6%) при том, что количество сомневающихся осталось прежним. Возможно, посещение мероприятий в рамках проекта позволило увидеть разнообразие практик памяти об эпохе политических репрессий, получить больше информации и пересмотреть своё мнение об информированности людей о данной эпохе.

Можно констатировать, что характер ответов на блок вопросов, связанных с оценкой уровня информированности об эпохе политических репрессий, оказался весьма противоречивым: в отличие от суждений, связанных с осуждением или оправданием репрессий, где результатом работы в проекте стало формирование у подростков собственной чёткой позиции по данным вопросам, суждения об уровне информированности показывают *обратный эффект* – увеличение доли сомневающихся и несогласных. Можно предположить, что это связано с неразработанностью политики памяти об эпохе политических репрессий, фрагментарностью мероприятий и дискуссий, одновременно как бы присутствием и как бы отсутствием в общественном сознании данной темы.

Рассмотрим подробнее изменения в выборе суждения для аргументации и изменения в комментариях к выбранным утверждениям.

Собранные по «входным» и «выходным» анкетам данные показывают, что суждения, оправдывающие репрессии, в начале проекта выбрали для комментирования около 50% выделенной группы участников, осуждающие репрессии – 21,4%, связанные с уровнем информированности о репрессиях 1930-х – 1950-х гг. – 42,8%. Это подтверждает большую заинтересованность среди выделенной группы ребят в исследовании данной темы (по сравнению с общей группой участников, у данной группы показатель выбора суждений, связанных с уровнем информированности, выше в 2 раза).

После реализации проекта суждения, оправдывающие репрессии, для комментирования выбрали 79,3 % выделенной группы участников проекта, осуждающие репрессии – 35,7 %, связанные с уровнем информированности о репрессиях 1930-х – 1950-х гг. – 21,7%. Можно предположить, что, с одной стороны, информационный дефицит для этих ребят в большей степени был устранён в ходе реализации проекта (выбор суждений с этой тематикой упал в два раза), а с другой – противоречивая ситуация с информационным полем вокруг эпохи политических репрессий усложнила представления об этом вопросе. Показатели по оправдывающим и осуждающим суждениям стали выше на 15-20%. Вероятно, получив определённые знания и представления об эпохе политических репрессий и восполнив информационный дефицит, участники проекта сформировали собственную позицию и готовы были её озвучить, высказаться.

Если обратиться к конкретным суждениям, то можно отметить, что после участия в проекте смысловые акценты в данной теме для подростков сместились: если во входной анкете наиболее популярными для комментирования были суждения *«Репрессии 1930-х гг. были необходимым условием для ускоренной подготовки нашей страны к войне. В стране действительно было много «вредителей» и «врагов народа», «В нашей стране во многих семьях есть люди, которые пострадали от репрессий, но об этом боялись говорить, и даже не все сейчас знают, что среди их родственников были репрессированные», «я считаю, что Сталин всё сделал правильно» и «Я считаю, что в России мало рассказывают про эпоху политических репрессий, проводится мало мероприятий и люди не имеют ясного представления, что это было за время»* (два из четырёх связаны с уровнем информированности), то в выходных анкетах для комментирования чаще всего выбирали такие суждения, как *«Победа в Великой Отечественной войне оправдывает те жертвы, которые были принесены в эпоху политических репрессий», «Те успехи в науке, в промышленности, в строительстве новых городов и предприятий, которых достигла наша страна – всё это перевешивает жизни тех людей, кото-*

рые пострадали в эпоху политических репрессий», «Масштабы и значимость репрессий 1930-х гг. преувеличивают, так как количество расстрелянных и сосланных в лагеря (около 4 млн человек) для такой огромной страны, как СССР, особенно перед войной, это совсем немного», «Я считаю, что политические репрессии – это неоправданное преступление против своего народа, так как пострадало большое количество невинных людей» (ни одного утверждения про уровень информированности).

Изучение исторического контекста, участие в различных мероприятиях, посвящённых эпохе политических репрессий, знакомство с судьбами отдельных людей по настоящим архивно-следственным делам 1937-1938 гг. актуализировали осмысление «человеческого» измерения истории и оценки исторических событий с точки зрения ценности человеческой жизни. Данный ракурс входит в противоречие с официальным дискурсом памяти о Великой Отечественной войне, который функционирует на уровне ассоциативной постпамяти и поддерживается государством. Можно предположить, что столкновение государственнической и гуманистической концепций в рамках работы в проекте побудило подростков переосмыслить уже сложившиеся представления и найти новые аргументы. Это довольно сложная работа, требующая определённых эмоциональных и интеллектуальных усилий. Тем не менее, выбор для комментариев именно этих суждений после участия в проекте говорит о том, что такая работа выделенной группой подростков проведена была.

Обратимся к содержательной части комментариев. При анализе входных анкет все комментарии были распределены на 4 группы: «оправдывающая», «сомневающаяся», «осуждающая» аргументация и «аргументация про информацию». Сравнительный анализ комментариев по данным группам показывает следующее:

1. Если в начале проекта «оправдывающая» аргументация строилась вокруг Великой Отечественной войны (см. выше), после проекта она касается в большей степени ограниченности репрессий (*«репрессии не были столь широки, что они затронули всё население, репрессии имели ограничительный характер»*), ошибок в системе оценивания масштабов репрессий (*«сегодня в число невинно репрессированных вписывают и участников УПА, и троцкистов, и «лесных братьев», и бандитов (дело Зигмаса Баускаса)»*), оправдании инициатора репрессий – Сталина (*«Ряд действий Сталина был не везде верен. Он безоговорочно верил письменным заявлениям, в которых обвинялись с настоящими преступниками невинные люди»*) – то есть от критического взгляда до реанимации мифов про «хорошего царя и плохих бояр». Здесь можно отметить уход от оправдательной риторики официального дискурса памяти о

Великой Отечественной войне, переосмыслении стереотипов ассоциативной постпамяти об этом важнейшем в истории нашей страны событии.

2. Если в начале проекта «сомневающаяся» аргументация занимала значительную часть комментариев, после проекта к формуле «с одной стороны... с другой стороны...» подростки практически не прибегают. Единственный пример в данном случае – полемический ответ-рассуждение одного из участников проекта: [с одной стороны] *«На мой взгляд, седьмой вопрос поставлен некорректно. Когда мы говорим о том, правильно было что-то сделано или нет, нам нужно сказать относительно достижения какой цели. Изначально репрессии тридцатых (на мой взгляд) были направлены не на экономическое укрепление, а на политическое, когда репрессии проводились в высших кругах (сталинские чистки), и ещё не захлестнули народ морем врагов народа и вредителей. Массовые репрессии, как мне кажется дали очень сомнительный результат в экономическом плане, ведь они были ПОЛИТИЧЕСКИМИ (ремарка к третьему вопросу). Но если считать, что целью Сталина было политическое укрепление – он всё сделал правильно, его не свергли фантомные троцкисты (экзистенциальный страх). [С другой стороны] Однако моральная оценка таких методов даёт отрицательный результат».*

3. «Осуждающая» аргументация после проекта стала более развёрнутой, обоснованной, с выраженной личностной позицией и эмоциональным отношением; можно выделить следующие подгруппы «осуждающей аргументации»:

- репрессии как преступление;
- репрессии и Великая Отечественная война;
- репрессии и статистика.

Здесь также обращает на себя внимание тот факт, что по большей части «осуждающая» аргументация строится не вокруг Великой Отечественной войны, а вокруг гуманистических ценностей, прежде всего, ценности человеческой жизни.

4. Если в начале проекта аргументация суждений об уровне информированности занимала значительную часть среди остальных комментариев, после проекта только два человека выбрали данные суждения, но их комментарии отличаются глубиной и рефлексивностью.

Можно отметить, что в данных комментариях участники проекта не отделяют фамилиальную и ассоциативную постпамять, а показывают важность соединения этих уровней памяти об эпохе политических репрессий для преодоления «по каким-то причинам» сформировав-

шегося информационного дефицита и ситуации «как бы присутствия и как бы отсутствия» в общественном сознании данной темы.

Анализ аргументации выбранных суждений фиксирует интериоризацию, осмысленное присвоение и встраивание подростками в свою систему взглядов гуманистических ценностей. Можно предположить, что в условиях рассогласованности государственнической и гуманистической концепций подробное изучение эпохи политических репрессий в «человеческом» измерении позволяет создать условия для более глубокого осмысления данных ценностей, развитие критического взгляда на соотношение целей и средств в связке «государство»-«гражданин» и сопутствующих им категорий.

Анализ АП концептов «государство», «власть», «гражданин», «Родина», «Россия», «СССР», «репрессии», «Сталин», «патриотизм» в «входных» и «выходных» анкетах помогает проверить данную гипотезу:

(1) практически по всем категориям после участия в проекте увеличилась наполненность концептов ассоциациями, что можно интерпретировать как усиление интереса подростков к тематике проекта, к осмыслению социально-политической жизни в России в целом, как усиление самосубъективации подростков (желание высказать собственное мнение, своё видение и позицию);

(2) практически по всем категориям после участия в проекте увеличилась доля одиночных реакций, что указывает на обогащение индивидуального опыта осмысления и переживания данных категорий выделенной группой подростков;

(3) относительно концептов «государство», «Родина», «патриотизм» в «выходных» анкетах различных и одиночных реакций было больше, чем в «входных». Можно предположить, что данные понятия в представлениях подростков наименее согласованы и противоречивы, представления о них тяготеют к крайностям; участие в проекте и глубокое погружение в тему эпохи политических репрессий не сняло, а, наоборот, усилило противоречивость представлений об этих категориях;

(4) относительно концептов «СССР», «репрессии», «Сталин» в выходных анкетах количество различных и одиночных реакций снизилось незначительно, соответственно, уровень согласованности представлений подростков о данных категориях остался примерно тем же, что был до участия в проекте;

(5) относительно концептов «Гражданин», «Власть», «Россия» количество различных реакций после проекта стало значительно мень-

ше, что говорит об усилении согласованности и однородности в представлениях подростков о данных категориях после участия в проекте.

Рассмотрим более подробно содержательные изменения в каждой группе категорий с помощью анализа их АП. Сразу необходимо отметить, что в целом структура АП каждого концепта повторяет выделенные во входных анкетах элементы; соответственно, ниже будут представлены только существенные изменения.

I. «Государство» – «Родина» – «патриотизм».

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **Государство** – *территория*, на которой существует *сильная власть*, с помощью которой, с одной стороны, оно *управляет, защищает, объединяет*, а с другой – *контролирует, угнетет, давит, подавляет*.

Обращает на себя внимание усиление положительных характеристик «государства»: *центр, страна, держава, всеобъемлюща, суверенная, крепкое, борется, меняется, сплочённость, порядок, организованное, легитимная, правовое, соблюдает закон, помогает, прислушивается к гражданам, охрана прав человека*. Образ идеального государства («функций-ожиданий») приобретает более ярко выраженный гуманистический характер. «Отрицательное» включает следующие значения-антиподы: *жесткое, бесчеловечная, машина, оказывает прессинг, злоупотреблять, непонимание*. Таким образом, желаемой «человечной» природе государства (человек – высшая ценность) противопоставляется «бесчеловечная» (человек – средство достижения целей самого государства).

Любопытно появление темы «необходимости» и «неизбежности» такого института, как государство, включая его искажённые черты. Вероятно, это может говорить о более осознанном отношении подростков к самому институту государственности: государственные институты могут нравиться или не нравиться, удовлетворять ожиданиям или нет, они могут ухудшаться или улучшаться, но сама государственность как таковая нужна в любом случае, так как она выполняет жизнеобеспечивающие функции.

При некоторых содержательных дополнениях, субъект-объектные отношения человека и государства здесь не претерпели изменения.

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **Родина** – это *мать, родная, дом, родной, место, важная часть, Россия, мир, любовь, любимая, защищать, объединяет, близкое, слышит*.

В «выходных» анкетах увеличилась доля положительных характеристик, связанных с функциями-ожиданиями (*успокаивает, вызывает чувства, трудится, хранит, воспитывает, сохраняет ценности, оберегает, поддерживает, даёт кров*). Негативные характеристики стали мягче и перешли в ассоциативную связку с государством: *государство, гро-*

моздкая конструкция, обременяет. Можно отметить дополнение списка функций-ожиданий от Родины, за которые подростки готовы её любить и защищать. Образ Родины стал ещё более антропоморфным, приобрёл более выпуклые материнские (родительские) черты. В связи с этим можно предположить, что противоречивое отношение к Родине среди подростков может быть связано в том числе с особенностями подростковой психологии, началом сепарации от родительской семьи, переосмыслением и отчасти «обесцениванием» семейных ценностей и традиций.

Если Родина «даёт» (*кров, успокоение, жизнь*), то искажённое негативной стороной власти и высшим проявлением её негативности – репрессиями, «государство» («власть») *угнетает-подавляет-убивает*, то есть забирает жизнь. В этом проявляется противостояние гуманистической концепции и государственнической концепции, «человечности» и «бесчеловечности» в представлениях подростков.

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **Патриотизм** – *чувство, идея, идеология, слепой, прибежище, принцип, нравственный, Родина.*

Здесь ярче выделяются два противоположных полюса представлений:

- в связке с «Родиной» патриотизм представляется как *самоотверженный, важный, честный, добросовестный, защищает, сплывает, воспитывает, помогает, объединяющий, преданный, сила, усиливает, мотивирует, побуждает* (человек выступает как субъект, добровольно проявляющий свои чувства и активность);

- в связке с искажённым «государством» (функции-опасения) патриотизм выступает как *фальшивая [идеология], управляет сознанием, необоснованный, восхваляет, громоздкая конструкция, массовый, развращает* (здесь человек выступает как объект воздействия государства).

В идеальном неискажённом государстве-родине «патриотизм» – это *светлое важное чувство, вера, преданность, уважение, нравственное морально-этическое понятие, он важен, растёт, скрепляет народ, побуждает к действиям, проявляется по-разному* (человек одновременно активный субъект и объект воздействия).

Однако в силу выявленной двойственности («разный») и невозможности достижения идеального государства понятие «патриот» в разных дискурсах имеет разное (часто противоположное) наполнение и становится спекулятивной категорией, в результате чего доверие подростков к этому понятию, имеющему большой положительный потенциал, сильно падает.

Таким образом, «выходные» анкеты зафиксировали усиление внутренней противоречивости и напряжения между понятиями «государство», «Родина» и «патриотизм».

II. «СССР» – «Репрессии» – «Сталин»

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **СССР** – *страна, союз, прошлое, прошлый, борется, тоталитарный, тоталитаризм, распад, полураспад, страх, красный, спланирует, сплочённый.*

Можно отметить некоторое смещение темпоральной характеристики в сторону настоящего: если во входных анкетах была чётко обозначена дистанцированность подростков от советского прошлого, то в результате участия в проекте и более глубокого погружения в исторический контекст советского периода произошла определённая актуализация прошлого для подростков. Об этом говорит наличие большого количества глаголов в настоящем времени: *угнетает, подавляет (как своих людей, так и другие страны), репрессирует, диктует, живёт, придумывает, строит, принимает решения, ошибается, побеждает, протягивается, правит.* Кроме того, слово «распад» здесь преобразуется в «полураспад», также указывая на связь прошлого и настоящего. В данном аспекте «СССР» близок к концепту «государство» – как в положительном, так и в искажённом значении.

В целом, у подростков выделенной группы после участия в проекте можно отметить усиление ощущения советского прошлого как «неотчуждённого прошлого своей страны» и более глубокого осознания исторической преемственности.

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **Репрессии** – *жестокое, жестокость, убивать, убийство, убивают, уничтожали, страшно, страшны, страшная, *необходимость, необходимые.*

Наряду с устойчивым негативным отношением к репрессиям можно отметить усиление акцента на античеловеческом характере данного явления (*разрушают жизни, рушат жизнь, приносят боль, плачевные, обезличивание, травматичный способ*), появление конкретизаций (не просто *убийство*, а *убийство образованного будущего страны*), использование негативных эмоциональных характеристик высокой степени интенсивности (*отвратительны, кошмар, ужас*). Знакомство с личными историями и судьбами репрессированных через разные практики памяти (встречи-беседы, работа с архивно-следственным делом, участие в иммерсивном спектакле) углубило неприятие подростками насильственных мер со стороны государства по отношению к невинному человеку, позволило более осознанно интериоризировать гуманистические ценности.

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **Сталин** – *усатый человек, революционер, личность, вождь, правитель, руководит, правит, строгий, убивает, противоречивый, культ.*

Обращает на себя внимание увеличение доли положительных характеристик: *лидер, руководитель, государственный деятель, стратег, расчётливый, практичный, деятельный, ведёт игру, влиятельный, великий, побеждает, известен в истории* (функции-достижения как функции-ожидания от государства, персонифицированного в лице правителя). Негативные характеристики приобрели более чёткую связь с ценностями гуманистической концепции (*нарушает права и свободы граждан*), стали содержательно ближе к АП репрессий (*разрушительный, страшный (веющий ужас), контролирует, подчиняет, жестокость, жёсткий, уничтожает*).

Таким образом, концепт «Сталин» приобрёл более позитивную окраску: образ мудрого руководителя-победителя в войне оказывается значительно сильнее образа преступника против своего народа – при том, что образ репрессий стал более негативным. Ассоциативная рамка памяти о Великой Отечественной войне, одобренная государством, поддерживает положительный образ Сталина и оказывает сильное влияние на подростков. Знакомство с «человеческим» измерением истории, судьбами отдельных невинно пострадавших людей в рамках проекта позволило более чётко связать негативные характеристики данной исторической личности (эпохи/типа государственности) с нарушением прав человека и в целом гуманистических ценностей.

Вероятно, при осмыслении концепта «Сталин» происходит столкновение ассоциативной постпамяти о Великой Отечественной войне, поддерживаемой государством, и аффилиативной постпамяти об эпохе политических репрессий, формирующейся при знакомстве с «человеческим измерением» этого сюжета истории. Каждая из версий постпамяти формирует и поддерживает свой образ Сталина. Можно предположить, что в условиях противоположных оценок, эмоционального и интеллектуального диссонанса двух версий постпамяти об одном историческом персонаже, доминировании сильной ассоциативной постпамяти о Великой Отечественной войне в сознании подростков происходит отделение ключевого субъекта репрессий 1930-х-1950-х гг. от самих репрессий (Петров 2012, с. 396).

III. «Гражданин», «Власть», «Россия»

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **гражданин** – *это свободный, ответственный, честный, законопослушный человек, [который имеет] права и обязанности, житель, [который] живёт [в своей стране] и служит [ей].*

После участия в проекте большинство подростков стали придерживаться положительного пассивного образа гражданина: это любой сознательный, добросовестный, достойный, человек, который проживает в этой стране, имеет гражданство и паспорт, работает или учится. Негативный пассивный тип (созерцает, ничтожно маленький, выживает, терпит, безопасный) и положительный активный (требовательный, бороться) получают маргинальные позиции.

Можно предположить, что в представлениях подростков «игра по правилам» (законопослушность, выполнение своих обязательств честно) должна обезопасить их от произвола государства: в правильном государстве все субъекты должны действовать по правилам. Наличие крайних позиций в АП концепта «гражданин» показывает неуверенность подростков в эффективности данной позиции: власть искажает государство, и оно начинает подавлять человека, пренебрегая его правами, а человек либо теряет своё достоинство, свою субъектность, становясь ничтожно маленьким, терпит, выживает и лишь созерцает со стороны творящуюся несправедливость, либо начинает бороться и требовать соблюдения своих прав, отстаивать своё право на игру по правилам. Таким образом, первая стратегия – безопасна, но делает человека ничтожно маленьким, вторая – опасна, но позволяет сохранить человеческое достоинство. Возможно, маргинальный характер данных стратегий в представлениях подростков связан с тем, что они не имели личного опыта переживания государственного давления, и перспектива выбора любой из этих стратегий представляется им страшной, сложной и болезненной (исходя из исторических и современных примеров). Кроме того, отсутствие подобного опыта подкрепляет веру в то, что жизнь по правилам оградит их от государственного произвола и от необходимости этого выбора.

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **власть** – *сила, сильная, могущество, могущественная, управляет, контроль, контролировать, диктаторская, диктатура норм/правил.*

Можно отметить усиление негативных характеристик – искажений, вызывающих опасения (власть как враг государства и гражданина): *развращает, угнетающий, давление, огромная, повсеместная, параноидальная, твердолобый, застой, устаёт, жестокая, обязует, борется, работает против интересов, желаемый, деньги, коррупция, шаткая.* Тем не менее, появляется мотив партнёрства (власть как партнёр государства и человека): *глава, правит, управление, управляющий, руководит, действует, мощь, мощная, формирует гражданскую идентичность, необходимая, демократическая, слышит народ, централизованная, это люди, которые получают возможность созидать («законодательная»).* Такая дихотомия

вновь показывает нам страхи подростков относительно власти, которая даже честного человека/государство может «развратить» и испортить (субъект-объектные отношения), и одновременно желаемый образ власти-партнёра, которая обеспечивает «игру по правилам» и соблюдение прав человека (субъект-субъектные отношения).

Общее смысловое ядро ДО и ПОСЛЕ: **Россия** – *страна, государство, Родина, большая, огромная, свободная, процветает, существует, сложная.*

В целом образ России остался достаточно положительным, но смещение темпоральной характеристики указывает на переосмысление данного концепта подростками: акцент сделан на настоящее, которое ощущается как безвременье, отсутствие движения (*живёт, существует сейчас, нынешняя, статичная, неразвивающаяся, спит, раздумывает*), отсутствие внутренних потенциалов для изменений (*катится, продолжает ошибаться, отсталая, усталость*) при стремлении к таким изменениям (*меняется*) на основе наследия прошлого, которое либо помогает (*великая, уникальное, могущественная, многонациональная, конституционная*), либо мешает (*монархическая*) будущему процветанию. Анализ АП концепта «Россия» выделенной группы подростков после участия в проекте показывает более мягкое, сочувственное отношение к своей стране. Образ России-Родины, *большой, сильной, уникальной и великой страны*, которая именно сейчас *потеряла ориентиры, растерялась, не понимает*, что делать, куда двигаться, в каком направлении развиваться, чтобы выбраться из этого *безвременья* и вновь ощутить себя *полной сил*.

Таким образом, после реализации проекта сохранились рассогласованность, поляризация и внутреннее напряжение в осмыслении ключевых категорий политической жизни («государство», «власть», «патриотизм», «Родина», «государство», «Сталин», «СССР», «репрессии»), однако, глубина и вектор осмысления претерпели определённые трансформации:

- повысилась наполненность АП практически каждого концепта,
- увеличилась доля ассоциаций, связанных с уважением к личности, защитой прав и свобод человека, в целом с гуманистическими ценностями,
- определился оптимальный образ гражданина (пассивный положительный тип),
- выделились наиболее важные интенции в отношении к ключевым категориям политической жизни государства: стремление подростков к субъективации (стать значимым субъектом политической жизни в государстве через «игру по правилам») и страх подобной

субъективации (субъект должен как-то реагировать на нарушение правил, а обе очевидные для подростков стратегии опасны, неприятны и болезненны);

- произошло смещение темпоральных ощущений от прошлого и будущего к настоящему: более глубокое погружение в исторический контекст эпохи политических репрессий и знакомство с судьбами отдельных людей актуализируют прошлое и побуждают встраивать прошлое в осмысление настоящего, формировать собственную оценку исторических и современных явлений и процессов.

Данные выводы созвучны результатам анализа измерения интенсивности эмоций с помощью ШДЭ К. Изарда до и после участия в проекте выделенной группы подростков. Анализ данных показывает, что по сравнению с большой и выделенной группой «входных» анкет, в которых обозначилась «тройка» ключевых эмоций – интерес, печаль и удивление, – в конце проекта добавился страх, фактически не меняя своих позиций по сравнению с другими эмоциями. Неизменная позиция страха на протяжении всего проекта указывает на достаточно устойчивый фон тревожно-депрессивных переживаний подростков, связанных с эпохой политических репрессий. Тем не менее, можно предположить, что высокие позиции «интереса» и «удивления», которые относятся к позитивным эмоциям, позволяют уравновесить негативные переживания и побуждают к дальнейшему исследованию данной темы.

Комментарии к ШДЭ К. Изарда с пояснением выбора степени интенсивности эмоций позволяют более детально проанализировать полученный эмоциональный профиль выделенной группы подростков после участия в проекте.

Интерес: «интерес – история своей страны», «было на самом деле интересно читать архивные документы, расшифровывать письма, работать с базами данных», «эта тема – непаханое (для нашего поколения) тема для исследований, поэтому интерес здесь более чем уместен», «сложно не испытывать интерес к чему-то неясному и столь скрытно-му. Об этом мало говорят, соответственно, мало знаешь».

Радость: «тема репрессий не вызывает данного эмоционального состояния, ведь в ней нет ничего радостного», «абсолютно нет. Даже радость самого исследования вытеснялась теми фактами, с которыми мне довелось работать».

Удивление: «где есть исследования, там точно есть место удивлению», «я удивился масштабам Большого террора», «некоторые события были мне не известны до проекта», «некоторые моменты меня на самом деле удивили, например, тот факт, что не все репрессированные занесены

в книги памяти, или что глава государства фактически санкционировал пытки».

Печаль: «печаль можно испытывать из-за того, что мы узнаём», «она в основном появлялась после прочтения писем. Грустно было осознавать то, сколько жизней было загублено, сколько людей умерло со слепой верой в партию, сколько семей годами носили передачи своим близким в тюрьму, не зная, что их давно нет в живых...», «сожалею, о том, что людям пришлось пережить такое страшное и тяжелое время. Мне хотелось бы, чтобы люди и их семьи могли пережить это время менее болезненно и без таких потерь», «мне становится очень грустно, что я не могу это никак предотвратить».

Злость: «в основном, на государство, которое не просто санкционировало весь тот ужас, но и стремилось к нему», «злбно за людей, кто служил своей Родине честно и верил в вождя».

Отвращение: «к людям, верившим, что можно построить государство на массовом терроре», «в основном я испытываю отвращение и непонимание, потому что считаю репрессии отвратительным и ненужными», «я не понимаю, как государство, главной целью которого является создание условий жизни, могло так легко этой жизни лишиться», «неприятен факт обесценивания человеческих жизней и судеб, это вызывает отвращение к государственной системе в целом».

Презрение: «это, как по мне, слишком «низкая» эмоция, которую вряд ли вообще хоть что-то или кто-то заслуживает».

Страх: «мне было ужасно от знания, что такое происходило именно там, где мы живём меньше века назад», «иногда, когда начинаешь видеть аналогии с современностью», «страх, что такое может повториться в человеческой истории», «испытал страх за то, что могло бы произойти, если бы подобное событие произошло в наши дни».

Вина: «странно, но, наверное, это вина за то, что сейчас я не могу ничего сделать, чтобы предотвратить то, что произошло; за то, что все, что мы можем сейчас сделать – это помнить, но зачастую мы и с этим не справляемся», «я не должна испытывать чувства вины за то, чего не совершала и к чему не причастна. Я не хочу усиливать комплекс вины. К тому же это всё давно уже прошло, и мы должны просто смотреть».

Стыд: «мне стыдно за незнание еще очень многого что происходило», «что происходящее происходило в стране, в которой я живу», «за то, что живешь в государстве, построенном на крови и костях (хотя как и многие государства)», «стыд перед всеми жертвами репрессий за то, что все эти «усилия» по построению «коммунизма» – напрасны, что их смерти – бес-

смысленны и необоснованны, что партия и Сталин – не такие уж непогрешимые».

Интересно, что, с одной стороны, можно отметить успешность опыта по формированию аффилиативной постпамяти об эпохе политических репрессий через взаимодействие с аутентичным пространством и аутентичным артефактом, которое было реализовано на этапе «погружения в тему» (усиление чувства сопричастности, сопереживания людям прошлого, формирование личностно окрашенного эмоционального отношения к событиям той эпохи и т.д.), с другой – стремление дистанцироваться от болезненных эмоций, оставить прошлое в прошлом, поставить границу между прошлым и настоящим (механизм «остранения»). Эта тенденцию проявляется и в пояснениях к конкретным эмоциям («печаль», «злость», «отвращение», «вина», «стыд»); её можно сформулировать следующими вопросами: должна ли быть преемственность ответственности за деяния, совершённые предыдущими поколениями жителей нашей страны? Должна ли быть преемственность вины и стыда? А страха? Нужна ли такая преемственность для преодоления разного рода последствий эпохи политических репрессий?

Если эмоции интереса, печали и удивления показывают отношение к данной эпохе со стороны, из настоящего к прошлому, позволяют дистанцироваться от прошлого, то эмоция страха, инициируемая знанием и «вчувствованием» в прошлое, переживается как актуальное и адресованное настоящему. Другими словами, подростки с интересом, печалью и удивлением всматриваются в прошлое, а боятся настоящего.

Справиться с такими эмоциями оказывается очень непросто: *«тема «репрессии» не так уж и легка. Она печальна и сложна. Я с трудом ее осилила».*

Ответы на два вопроса «выходной» анкеты: «Что нового и важного для себя вы узнали в этой теме в результате участия в проекте?» и «Сформулируйте 2-3 предложения о том, что Вам дало участие в этом проекте», которые предлагали подросткам подвести личные итоги участия в проекте, помогают выявить произошедшие изменения в осмыслении эпохи политических репрессий, понять, получилось ли преодолеть информационный дефицит, удовлетворить потребности в познании темы на эвристическом, аффективно-аксиологическом и практическом уровнях.

В идеальном варианте каждый участник проекта в своих ответах должен был отметить результаты на всех четырёх уровнях (100% результат).

Таким образом, можно отметить удовлетворённость результатом работы в проекте:

- 1) на *когнитивном уровне* 85,7% участников выделенной группы;
- 2) на *эвристическом уровне* 42,8% участников выделенной/расширенной групп;
- 3) на *аффективно-аксиологическом уровне* 78,6% участников выделенной;
- 4) на *прагматическом уровне* 35,7% участников выделенной.

Рис. 1.

Данные диаграммы показывают отчётливый рост по всем показателям: обозначенные в начале проекта запросы были не только удовлетворены, но способствовали формированию и удовлетворению новых, более глубоких запросов на осмысление темы эпохи политических репрессий.

Как и ожидалось, в ответах практически всех участников прослеживается когнитивный уровень (например, «я узнала много нового из истории», «участие в проекте дало мне новые знания про свою страну», «за время участия в проекте я узнала истории людей и их родственников, переживших репрессии, узнала подробности по этой теме, точные даты, лучше изучила историю того времени... участие в этом проекте дало мне составить более четкую картину времен репрессий, узнать подробности того времени» и т.д.).

Обращает на себя внимание отмеченный подавляющим большинством участников аффективно-аксиологический уровень. Его формирование стало результатом обращения в рамках проекта к «человеческому» измерению истории данной эпохи через иммерсивные практики памяти и работу с аутентичными архивно-следственными делами, которые позволили подросткам не только узнать, но и прочувствовать судьбы отдельных людей, получить эмоциональный опыт сопереживания (*«работа в проекте позволила мне соприкоснуться с другими семейными историями, которые открылись мне в результате работы в архиве, и ментально пройти с каждым героем моего дела их путь», «[я] познакомился с частными историями некоторых репрессированных, думаю, это полезно при дополнительной моральной оценке тогдашних событий... самое важное, по моему, это погружение на личную сторону событий, куда не могут погрузить обычные школьные уроки»* и т.д.).

Больше трети участников отметили наличие прагматического уровня, то есть достижения определённой практической цели, поставленной либо в самом начале проекта, либо сформулированной в ходе реализации проекта – в соответствии с выбранной лабораторией: *«я ознакомилась со следственным делом того времени и провела его анализ»* [написала исследовательскую работу – прим. авт.], *«благодаря участию в проекте я начала заниматься своей семейной историей и сейчас пытаюсь выяснить судьбу моего репрессированного в 1940-ом году прадеда»* [также написала исследовательскую работу – прим. авт.] – исследовательская лаборатория; *«я улучшила навыки рисования, узнала детали работы с графическими романами и попробовала себя в этом направлении», «после участия в этом проекте у меня останется готовый комикс, созданный на основе реального дела пострадавшего от политических репрессий человека, который я дам прочитать людям, чтобы поделиться с ними тем, о чем нельзя молчать»* – арт-лаборатории; *«меня оно [проект – прим. авт.] научило писать эссе на проблемные темы»* – лаборатория журналистики; *«неплохие знакомства и интересную работу»* – медиа лаборатория.

Любопытно, что при высоких показателях удовлетворённости на аффективно-аксиологическом и прагматическом уровнях (по сравнению с первоначальными параметрами), соответствующие показатели на эвристическом уровне не столь впечатляющи – менее половины выделенной группы подростков обозначили в своих ответах данный уровень: *«участие в проекте позволило мне ответить на вопросы о том, необходимы ли были репрессии, был ли Сталин виноват в них единолично, как можно восстановить память об этих событиях», «участие в этом проекте дало мне понимание того, что значит определение “Сталинские*

репрессии»», «дало мне понимание, почему стоит освещать тему Большого террора», «дало больше понимания о политике в СССР, о влиянии того периода на сегодняшний день», «понимание важности этой темы», «проект помог мне более чётко разобраться в событиях того времени..., обратить внимание на современное ведение политики».

Вероятно, это связано с рядом факторов: во-первых, работа в рамках проекта была выстроена в основном вокруг «человеческих» историй и индивидуальных переживаний, а не в большом документально-повествовательном жанре; во-вторых, на это оказали влияние противоречивость и неоднозначность самой темы; в-третьих, важное значение имеет отсутствие консенсусного нарратива об эпохе политических репрессий в нашей стране. Всё это в совокупности не позволило многим ребятам до конца «понять и разобраться» в теме эпохи политических репрессий. Однако это обстоятельство не стало препятствием для осмысления темы и формирования собственной позиции по отношению к ней: *«Вопрос необходимости репрессий так и остался загадкой, но теперь я не считаю это чем-то странным. Раньше я чувствовала необходимость ответа на этот вопрос, окончательного ответа. Узнав нюансы этой темы, сопоставив все за и против, сделать окончательный выбор мне не удалось. Но я поняла, что не иметь однозначного ответа в этой теме – нормально. Проект дал мне структурированное видение тех лет, исходя из которого, я сделала свои уже личные выводы».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя краткие итоги, можно отметить следующее.

Удовлетворение первичного информационного дефицита подростков-участников проекта МНР привело к усилению интереса к теме и возникновению новых уровней запроса на достоверную и объективную информацию.

Формирование аффилиативного уровня постпамяти об эпохе политических репрессий у подростков стало попыткой создания дополнительного к ассоциативной рамке постпамяти (с учётом всей её противоречивости) пласта индивидуальных воспоминаний через уникальный индивидуальный эмоциональный и интеллектуальный опыт реального и символического прикосновения к истории. Как отмечает С. Г. Доронина, «удвоенное значение памяти (коллективной и индивидуальной) повышает уровень человеческой ответственности, вызывающей к осознанному и правдивому исследованию прошлого» (2020, с. 41). Используемые практики памяти в определённой степени позволили достигнуть именно такого результата.

Работа участников проекта с «человеческим измерением» истории способствовала более глубокому усвоению гуманистических ценностей, что привело к переосмыслению отношений государства, власти и гражданина, усилению растоществления государства и власти и формированию «конструктивного» (Снеговая, 2016), «критического» (Механик & Скоробогатый, 2019), рефлексивного патриотизма. Именно такой патриотизм, по мнению Н. Эппле, является одним из важнейших условий успешной работы с травматическим, неудобным прошлым нашей страны (Эппле, 2020).

Усиление значимости гуманистических ценностей, их актуализация и встраивание в осмысление «трудного прошлого» для подростков-участников проекта стало основой для формирования своеобразного «неразделённого нарратива» об эпохе политических репрессий, в котором ценность человеческой жизни и справедливость становятся ключевыми категориями.

Тем не менее, активно отстаивать эти ценности через индивидуальное проявление гражданской позиции и социальной активности в большинстве своём подростки не готовы. Можно отметить нарастающее напряжение между желаемыми образами государства, власти и гражданина и реальными отношениями между ними (по представлениям подростков), которое мешает достижению необходимого уровня доверия для формирования консенсусного нарратива об эпохе политических репрессий и совместной работы над трудным прошлым.

Список литературы

- Bogumił, Z. (2012). Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation. *Polish Sociological Review*, 177(1), 71–90.
- Sneagon, T. (2019). Dying in the Soviet Gulag for the Future Glory of Mother Russia? Making «Patriotic» Sense of the Gulag in Present-Day Russia. In N. Bernsand & B. Törnquist-Plewa, *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia* (pp. 105–140). Amsterdam: Brill.
- «Нам бы сейчас товарища Сталина». Почему россияне отказываются верить в репрессии и готовы прощать советскую власть. (2020, июнь 10). Извлечено от <https://lenta.ru/articles/2020/06/10/istpam/>
- «Тяга к Сталину – моральная тупость общества». Директор «Левада-центра» о настроениях россиян (фото). (2020, январь 8). Извлечено от Фонтанка-ру website: <https://www.fontanka.ru/2020/01/08/020/>
- Богумил, З., & Романов, Р. (2018). «Стена скорби», музей ГУЛАГа и другие практики мемориализации жертв советских репрессий. Интервью Зузанны Богумил с Романом Романовым. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 10(2), 157–163.

- Дорман, В. (2010). От Соловков о Бутово: Русская православная церковь и память о советских репрессиях в постсоветской России. *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*, (2), 327–347.
- Доронина, С. Г. (2020). Социальная структура прошлого: Индивидуальная и коллективная память. *Tempus et Memoria*, 1(1–2), 36–43.
- Зевако, Ю. В. (2019). Российская идентичность, политика памяти и «эпоха политических репрессий»: К постановке проблемы. *Вопросы всеобщей истории*, (22). doi: 10.26170/vvi19-01-19
- Иванова, Н. А. (2013). Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических экспериментах. *Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*, (3), 116–122.
- Иммерсивный спектакль-экскурсия «Дело №39 496» на Мемориале жертв политических репрессий (12 километр Московского тракта). (б. д.). Извлечено от Музей истории Екатеринбурга – m-i-e.ru website: <https://m-i-e.ru/delo39496>
- Куницына, В. (2011). Методология «Шкала дифференциальных эмоций» (ШДЭ) К. Изарда. Адаптация А.Б. Леоновой. В А. А. Бодалев (Ред.), *Психология общения. Энциклопедический словарь*. Москва: «Когито-Центр».
- Лебедева, О. (2018). Одно прошлое – две памяти: Сравнительный анализ экспозиций музея истории Беломорско-Балтийского водного пути и музея Соловецкого лагеря особого назначения. *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*, (2), 134–148.
- Маршрут памяти. (б. д.). Извлечено от Музей истории Екатеринбурга – m-i-e.ru website: <https://m-i-e.ru/marshrutpamyaty>
- Механик, А., & Скоробогатый, П. (2019). Мир нуждается в «новой утопии». Извлечено от Эксперт-online website: <https://expert.ru/expert/2019/50/mir-nuzhdaetsya-v-novoj-utorii/>
- Миронова, Н. И. (2011). Ассоциативный эксперимент: Методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы. *Вопросы психолингвистики*, 14(2), 108–119.
- Молчать нельзя рассказывать. (2020). Извлечено от 12memorial.ru website: <http://12memorial.ru/molchat-rasskazyvat>
- Петров, Н. (2012). Был ли Сталин преступником? В А. И. Миллер & М. Липман (Ред.), *Историческая политика в XXI веке* (с. 396–418). Москва: Новое литературное обозрение.
- Снеговая, М. (2016). Слепые пятна любви к родине. Извлечено от Ведомости website: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/11/648684-slepie-pyatna>
- Сыров, В. Н. (2020). Пути и способы исторического примирения: Профессиональное сообщество и проблема конфликтующих нарративов о прошлом. *Tempus et Memoria*, 1(1–2), 44–52.
- Ушакин, С. (2009). «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах. В С. Ушакин & Е. Трубина (Ред.), *Травма: Пункты* (с. 5–41). Москва: Новое литературное обозрение.

- Феретти, М. (2002). Расстройство памяти: Россия и сталинизм (интервью записала Ирина Чечель, 20 11 2002 г.). Извлечено от Михаил Гефтер website: <http://gefter.ru/archive/24676>
- Хирш, М. (2016а). «Есть разница между постпамятью и мобилизацией патриотических чувств» | Уроки истории XX век. Извлечено от Уроки истории website: <https://urokiistorii.ru/article/53499>
- Хирш, М. (2016b). Что такое постпамять | Уроки истории XX век. Извлечено от Уроки истории website: <https://urokiistorii.ru/article/53287>
- Эпшле, Н. (2020). *Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах*. Москва: Новое Литературное Обозрение.
- Эткинд, А. (2016). *Кривое горе: Память о непогребенных*. Москва: Новое литературное обозрение.

References

- "The craving for Stalin is the moral stupidity of society. Director of the Levada Center on the mood of Russians (photo). (2020, January 8). Retrieved from Fontanka-ru website: <https://www.fontanka.ru/2020/01/08/020/> (In Russian).
- "We wish we had Comrade Stalin now. Why Russians Refuse to Believe in Repression and Are Ready to Forgive Soviet Power. (2020, June 10). Retrieved from <https://lenta.ru/articles/2020/06/10/istpam/> (In Russian).
- An immersive performance-excursion "Case #39496" at the Memorial to the victims of political repressions (12 kilometer of the Moscow road). (n. d.). Retrieved from Yekaterinburg History Museum – m-i-e.ru website: <https://m-i-e.ru/delo39496> (In Russian).
- Bogumił, Z. (2012). Stone, Cross and Mask: Searching for Language of Commemoration of the Gulag in the Russian Federation. *Polish Sociological Review*, 177(1), 71–90.
- Bogumił, Z., & Romanov, R. (2018). "The Wall of Sorrow, the Gulag Museum, and other practices of memorializing victims of Soviet repression. Interview by Zuzanna Bogumił with Roman Romanov. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 10(2), 157–163. (In Russian).
- Dorman, V. (2010). From Solovki to Butovo: The Russian Orthodox Church and the Memory of Soviet Repression in Post-Soviet Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, (2), 327–347. (In Russian).
- Doronina, S. G. (2020). The Social Structure of the Past: Individual and Collective Memory. *Tempus et Memoria*, 1(1–2), 36–43. (In Russian).
- Eppl, N. (2020). *An Inconvenient Past: Memories of State Crimes in Russia and Other Countries*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Etkind, A. (2016). *Crooked Grief: Memory of the Unburied*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).

- Feretti, M. (2002). Memory Disorder: Russia and Stalinism (interview recorded by Irina Chechel, 20 11 2002). Retrieved from Mikhail Gefter website: <http://gefter.ru/archive/24676> (In Russian).
- Hirsch, M. (2016a). "There is a difference between post-memory and the mobilization of patriotic feelings" | History Lessons Twentieth Century. Retrieved from History Lessons website: <https://urokiistorii.ru/article/53499> (In Russian).
- Hirsch, M. (2016b). What is post-memory | History Lessons of the Twentieth Century. Retrieved from History Lessons. website: <https://urokiistorii.ru/article/53287> (In Russian).
- Itinerary of Memory. (n. d.). Retrieved from Yekaterinburg History Museum – m-i-e.ru website: <https://m-i-e.ru/marshrutpamyaty> (In Russian).
- Ivanova, N. A. (2013). Application of the method of free associations in empirical sociological experiments. *Vestnik (Herald) of St. Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, (3), 116–122. (In Russian).
- Kunitsina, V. (2011). K. Izard's Differential Emotion Scale (DES) methodology. Adaptation by A.B. Leonova. In A. A. A. Bodalev (Ed.), *Psychology of Communication. Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Cogito Center. (In Russian).
- Lebedeva, O. (2018). One Past, Two Memories: A Comparative Analysis of the Museum of the History of the White Sea-Baltic Waterway and the Museum of the Solovetsky Special Purpose Camp. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, (2), 134–148. (In Russian).
- Mechanic, A., & Skorobogaty, P. (2019). The world needs a "new utopia." Retrieved from The Expert-online website: <https://expert.ru/expert/2019/50/mir-nuzhdaetsya-v-novoj-utopii/> (In Russian).
- Mironova, N. I. (2011). Associative Experiment: Methods of Data Analysis and Analysis Based on the Universal Schema. *Psycholinguistic Issues*, 14(2), 108–119. (In Russian).
- Petrov, N. (2012). Was Stalin a criminal? In A. I. Miller & M. Lipman (eds.), *Historical politics in the twenty-first century* (pp. 396–418). Moscow: New Literary Review.
- Silence cannot be told. (2020). Retrieved from 12memorial.ru website: <http://12memorial.ru/molchat-rasskazyvat> (In Russian).
- Sneagon, T. (2019). Dying in the Soviet Gulag for the Future Glory of Mother Russia? Making «Patriotic» Sense of the Gulag in Present-Day Russia. In N. Bernsand & B. Törnquist-Plewa, *Cultural and Political Imaginaries in Putin's Russia* (pp. 105–140). Amsterdam: Brill.
- Snegovaya, M. (2016). Blind spots of love for the homeland. Retrieved from Vedomosti website: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/11/648684-slepje-pyatna> (In Russian).
- Syrov, V. N. (2020). Ways and Means of Historical Reconciliation: The Professional Community and the Problem of Conflicting Narratives about the Past. *Tempus et Memoria*, 1(1–2), 44–52. (In Russian).

- Ushakin, S. (2009). "Do we have this pain to breathe?" On Trauma, Memory and Communities. In S. Ushakin & E. Trubina (Ed.), *Trauma: Points* (pp. 5–41). Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Zevako, Y. V. (2019). Russian Identity, the Politics of Memory, and the "Era of Political Repression": Toward a Statement of the Problem. *General History Questions*, (22). doi: 10.26170/vvi19-01-19. (In Russian).